

Кэтрин Хьюз

*Это потрясающая история о любви
и прощении, о том, как человек способен,
словно феникс, вновь возродиться к жизни,
несмотря ни на что.*

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЕЩАНИЕ

Кэтрин Хьюз
Последнее обещание
Серия «Такая разная жизнь»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66713750
Последнее обещание: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-134053-7

Аннотация

Тара Ричардс переживает не лучшие времена. Кажется, что надеяться на счастье глупо. И она уже не верит в будущее, а собственное прошлое для нее по-прежнему остается неразрешимой загадкой.³

Но однажды Тара получает письмо от лондонского адвоката, которое обещает наконец пролить свет на события ее жизни. Кто-то оставил ей ключ от депозитной ячейки, внутри которой она находит нечто, что заставляет ее сорваться с места и решиться на самый отчаянный шаг в жизни...

Женщина отправляется в путешествие по Испании, куда когда-то отправилась и ее мать, пропавшая сорок лет назад. В надежде получить ответ на вопрос, мучивший ее всю жизнь, Тара должна будет найти в себе силы не только окупнуться в далекое прошлое, но и взглянуть в глаза настоящему...

Содержание

1	6
2	11
3	17
4	22
5	28
6	37
7	51
8	58
9	63
10	75
11	86
12	91
13	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Кэтрин Хьюз

Последнее обещание

© Kathryn Hughes, 2019

© Попова О., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Робу

За все, что ты сделал и еще сделаешь для меня.

*Над желтым наклонясь цветком,
Тобой, малюткой-мотыльком,
Я любовался и не знал,
Нектар вкушал ты или спал.
И был ты неподвижней вод
Объятых льдом морей.
Счастливым будет ли полет,
Когда внезапный ветер найдет
тебя среди ветвей?*

*Останься с нами! Мы с сестрой
Тебе подарим садик свой.
Здесь отдохнут твои крыла.
Тебе не причиним мы зла!
Будь гостем нашим дорогим,
Присядь на куст близ нас.
О детских днях поговорим,*

*Их летний свет неповторим,
И каждый долгим был – таким,
Как двадцать дней сейчас.*

Уильям Вордсворт. «Мотыльку»¹

*Когда закрывается одна дверь, открывается
другая.*

Мигель де Сервантес. «Дон Кихот»

---

¹ Перевод И. Меламеда.

2018

Это случилось в ноябре. Я отчетливо помню пепельно-серое небо и туман, висящий в двух футах над лужайкой. Запах опавшей сырой листвы и давно догоревшего костра. Казалось, сад чем-то подавлен. Не знаю, важна ли вообще погода, но о ней часто пишут в завязке рассказа. Хотя, наверное, я все усложняю. Можно было бы сразу перейти к письму. В конце концов, эта история началась именно с него. Оно – причина всего, что случилось дальше.

Я бросила конверт на кухонный стол и включила чайник. Чтобы справиться с силами и вскрыть его, определенно требовалась изрядная порция кофеина. Аппетит пропал, но, чтобы еще немного отсрочить неизбежное, я засунула ломтик хлеба в тостер и снова уставилась на послание. На пухлом конверте богатого кремового оттенка красовались мое имя и адрес, отпечатанные на машинке. Могла бы догадаться. Отправитель посчитал содержимое настолько важным, что пришлось подписать уведомление о вручении. Я поставила конверт рядом с хлебницей, достала свой бокал с надписью «лучшая мама на свете», опустила в него чайный пакетик и принялась обмахиваться письмом, словно веером. Хотелось потянуть время, потому что ясно было: как только открою его, моя жизнь уже не будет прежней.

Чтобы еще немного продлить состояние блаженного неведения, пришлось вернуть конверт на стол и вместе с кружкой чая отойти к окну, выходящему в сад. В тени каштана все еще была припаркована желто-красная машинка Дилана. Крыша покрылась мхом, что вполне естественно, ведь он не притрагивался к ней столько лет. Его песочница в форме черепахи буквально выросла в газон, где трава давным-давно пожелтела. Все его детство пронеслось передо мной. Прекрасные воспоминания о чаепитиях, которые устраивались в кукольном домике для плюшевых медведей, когда он думал, что никто не видит. Теперь он утверждает, что никакого чайного сервиза не было, но тот все еще хранится на чердаке, бережно обернутый бумагой, в ожидании моих будущих внуков. Я представила, как Дилан сидит в одиночестве, обложившись книгами, в своей комнате университетского общежития, а его живот бурчит от голода в ожидании хоть какого-нибудь обеда. Мы с Ральфом привезли ему целую коробку кастрюль, сковородок и разной утвари для общей кухни. Правда, для фруктов и овощей места в холодильнике не нашлось. Полки заполняли куда более важные продукты: пиво, водка и символический пучок зеленого салата. Я тогда подумала, что правильное питание будет забыто в первом же семестре. Рядом не будет никого, чтобы проследить, ест ли он пять раз в день, пьет ли достаточно воды и не объедается ли мармеладными поросятами². Так оно и вышло. Теперь его раци-

---

² Мармеладные поросята «Перси Пиг» – чрезвычайно популярное в Велико-

он состоит исключительно из пиццы от «Доминос», сырных трубочек «Дэйрилия Дункерс»³ и любого пива, которое на этой неделе продается в «Тэско» со скидкой. Кроме того, он утверждает, что в первом семестре «никто» толком не учится. Теперь хоть понятно, почему наше здравоохранение в таком состоянии. Я ополоснула чашку и поднялась в комнату Дилана, где на голых стенах еще заметны следы скотча, на котором держались постеры. Упав в его кровать, погладила пуховое одеяло с Манчестером. Всю его жизнь можно проследить по одеялам. Самое первое было с маленькими кроликами и уточками на бледно-голубом фоне. Потом были телепузики, Боб-строитель⁴ и период увлеченности Барби, что, не скрою, меня немного смущало. Но ее вскоре сменили «Предвестники бури», которые в свою очередь уступили место нынешнему варианту. Но для университета он выбрал однотонное «взрослое» одеяло. Пожалуй, именно тогда я осознала, что его детство действительно закончилось.

Теперь сын изучал медицину в Ньюкаслском университете, а меня распирало от гордости. Ему пришлось как следует постараться. А учитывая, что его отец оставил нас именно

британии лакомство, которое можно купить в магазинах сети «Маркс энд Спенсер».

³ «Дэйрилия Дункерс» – популярная закуска, представляющая собой сырные трубочки, изготовленные с добавлением кукурузной и картофельной муки. Продается, как правило, в комплекте с соусом.

⁴ Боб-строитель – герой популярного одноименного многосерийного мультфильма.

в тот момент, когда Дилан учился в старших классах, иначе как чудом это не назовешь. Я так и не простила Ральфа за это. Но, когда секретарша на седьмом месяце и вот-вот родит тебе близнецов, что еще остается? Я снова почувствовала знакомый привкус горечи. Годами мы пытались зачать еще одного ребенка, но ничего не вышло. Стараясь скрыть разочарование, я направила всю свою энергию на воспитание Дилана, а Ральф предпочел трахать секретарш. Их длинную вереницу замкнула та самая Сюзи, мать двойняшек. Уверена, что он их очень любит, но наблюдать за тем, как мой бывший пытается исполнять капризы двух малышей и молоденькой женоушки, у которой интеллект ненамного выше, по меньшей мере, забавно. Естественно, Сюзи пришлось оставить свой пост, и теперь его занимала ухоженная пожилая дама в твидовой юбке. И что-то подсказывало мне, что выбор пал на нее не случайно. Ральфу исполнилось пятьдесят пять. Мы ровесники. Наверняка ему хотелось спокойной размеренной жизни: пару раз в год отправляться с друзьями в гольф-тур, водить спортивный автомобиль, а по вечерам расслабляться с бокалом хорошего вина и книгой в руках. Вместо этого он стал отдыхать только там, где есть детский клуб, и водить микроавтобус. Это единственная машина, которая вмещает все, что необходимо в поездках его новой семье. Что касается беззаботных вечеров, о них теперь можно было только мечтать. Полагаю, двойняшкам перед сном требуется особенно много внимания. Приходится часами катать их вверх-

вниз по лестнице и изобретать все новые и новые изощренные развлечения, чтобы хоть как-то занять малышей. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

С того дня, как Ральф ушел, я знала, что это письмо придет, и все же не была готова его открыть. Как бы это ни звучало, прочесть слова, которые официально положат конец моему браку, мне не хватало духу. Я закрыла дверь в комнату сына и решительно направилась вниз, ощутив внезапное желание поскорее покончить с этим. Вскрыла письмо и провела пальцем по бумаге того же изысканного кремового цвета. Чтобы приступить к чтению, пришлось опустить очки с макушки на нос. «Дорогая миссис Ричардс...» Дочитав до конца, я осознала, что едва держусь на ногах. Вовсе не адвокаты Ральфа адресовали мне это послание.

1978

Вайолет Добс изучала свое отражение в треснутом зеркале над раковиной. Следы их ужина все еще плавали в миске с холодной водой: разбухшие крошки, горошины, маслянистые лужицы. Вылив содержимое, она очистила сливное отверстие, вытерла руки о кухонное полотенце и вернулась к зеркалу. Двумя пальцами разгладила вертикальные морщинки между бровей, которые появились совсем недавно. Нужно перестать хмуриться. Позади нее Тара, завернувшись в толстое покрывало, громко стучала зубами. Изнутри оконные стекла начал покрывать кружевной узор инея.

Вайолет снова сдвинула брови, но тут же вспомнила о решении больше не хмуриться, которое приняла пару секунд назад.

– Ты в порядке, детка?

– Нет, не в порядке. Нам точно надо идти, мам? Сегодня чертовски холодно.

– Следи за языком, Тара, – она нанесла красную помаду и сжала губы. – Да, *мне* точно придется идти, потому что нам нужны деньги.

Обернувшись к дочери, она мягко продолжила:

– Детка, я знаю, что ты не любишь ходить со мной, но какой у нас выбор. Останешься здесь одна?

– Нет! – Тара прижала к груди бутылку с горячей водой. – Я ни за что не останусь одна, пока он внизу. – Она натянула грубое армейское одеяло серого цвета до подбородка, словно оно могло дать ей защиту.

– Тара, милая, даже если он придет и будет стучать в дверь, просто не открывай ему.

– Но он хозяин всего дома, мама, как я его остановлю? У него же есть ключи.

– Ты не права, – Вайолет покачала головой. – Уверена, есть какие-то законы на этот счет. Он может владеть всем домом, но эту комнату снимаем мы. И платим за нее. – Вайолет заметила, как дочь подняла брови. – И не смотри на меня так, Тара. Мы платим, когда есть возможность.

Женщина снова взглянула в зеркало и пальцем стерла с зубов следы красной помады.

– Именно поэтому мне и нужно идти. – Она внезапно исполнила пируэт. – Ну, как я выгляжу?

– Прекрасно. Ты и сама это знаешь.

– О, ничего подобного. Только посмотри на эти ужасные морщины на лбу.

– О да. Мне бы так ужасно выглядеть.

Вайолет плюхнулась на кровать и коснулась холодной щеки дочери.

– Ничего ты не понимаешь, милая, – она указала на свое лицо. – Видишь, сколько косметики приходится наносить? А ты, ты восхитительна с раннего утра, когда открываешь гла-

за, до позднего вечера, когда вновь ложишься в кровать. Тебе ничего не нужно делать для этого. Ты молода и прекрасна.

Тара сложила руки на груди и насупилась.

– Ты просто говоришь так. А на самом деле я далеко не такая симпатичная, как ты.

– Всему свое время, Тара. Не спеши взрослеть. У тебя все впереди. – Вайолет чмокнула дочь в щеку. – Думаешь, у меня были такие скулы в четырнадцать? Думаешь, в школьные годы у меня уже была такая фигура? – она покачала головой. – Я была плоской, как доска. Мальчики в мою сторону даже не смотрели.

– Хватит, мам! Ты в четырнадцать меня родила Вайолет опустила глаза и уставилась на кровать.

– Ну... да... так... Но это было... другое.

Тара теребила покрывало, вытягивая из него пучки нитей.

– Где он сейчас?

– Я понятия не имею, где сейчас твой отец, родная. И тебе это известно. Его родители переехали в Монголию, и ему пришлось последовать за ними. – Вайолет хлопнула в ладоши, обозначив этим конец разговора.

Но Тара проигнорировала этот жест.

– Думаешь, он остался бы, если бы знал обо мне?

– Абсолютно уверена. Мы были очень молоды, но любили друг друга по-настоящему, – она заправила дочери за ухо выбившуюся прядь волос. – Но нам ведь и вдвоем неплохо, верно? Я так стараюсь. Ведь ты все для меня. Помни об этом.

Громкий стук в дверь заставил их вздрогнуть.

– Открывайте, это Колин.

– Господи боже... – прошептала Вайолет и подмигнула Таре. – Эмм... Какой еще Колин?

– Не притворяйся, Вайолет. Тот, которому ты должна за комнату.

– Я помню об этом. И ты получишь деньги на следующей неделе.

– Я тебя предупреждал и больше ждать не собираюсь. Ты не оставляешь мне выбора, – звякнула связка ключей.

– Он сейчас войдет сюда, – прошептала Тара, вцепившись в руку матери.

Вайолет встала с кровати и уперлась руками в бедра.

– Я не боюсь, – сказала она.

Колин распахнул дверь и ворвался в комнату. Из-под короткого жилета торчал волосатый живот.

– Ты задолжала за четыре недели, дорогуша. С меня хватит.

Вайолет заговорила с ним мягко и вкрадчиво, словно пыталась урезонить капризного трехлетку.

– Перестань, Колин, давай как-нибудь договоримся, – предложила она, указывая мужчине на потрепанное кресло с жирными пятнами на обивке. Предыдущий съемщик чрезмерно увлекался гелем для волос. – Присядь, и мы все обсудим. – Затем она кивнула Таре: – Налей мистеру Симпсону виски, милая.

Арендодатель грузно опустился в кресло и принялся за выпивку.

– Ты вообще помнишь, что я должен оплачивать счета каждый месяц? Это не ночлежка для бездомных.

– Помню, конечно, – согласилась Вайолет. – Но я знаю, что ты – человек неглупый, – она присела на соседний стул и пробежалась кончиками пальцев по линиям его татуировки на предплечье. – А ведь мы с Тарой очень хорошие жильцы, правда? Или ты хочешь, чтобы тут поселились какие-нибудь любители шумных вечеринок? Только представь, что тебе всю ночь пришлось бы ворочаться с боку на бок под оглушительные звуки панк-рока. Или еще хуже, съемщики могут устроить здесь наркопритон. И что тогда, а? Запах травки и дилеры, снующие взад-вперед целыми днями? Ты правда этого хочешь? – Она пощупала его бицепс и улыбнулась. – А ты в прекрасной форме, Колин.

Мужчина залпом допил виски и поднялся на ноги.

– Отличная попытка, Вайолет, – ответил он, отправляя стакан в сушилку. – Или я получу все деньги до восьми вечера, или убирайтесь вон отсюда.

Вайолет взглянула на настенные часы.

– Но уже полседьмого.

Он пожал заросшими плечами.

– Меня не волнует.

– Чертова обезьяна, – вздрогнула Вайолет, закрыв за ним дверь. – Бедная миссис Симпсон. Ей приходится спать с

этим неандертальцем.

– Что будем делать? – спросила Тара. – Он дал нам время всего до восьми.

– Да он просто перегрелся, – ответила ее мать, стягивая с вешалки пальто, – не бери в голову. Просто пытается строить из себя большую шишку.

Она обернула вокруг шеи боа из перьев и подхватила сумочку.

– Пошли, детка. Я и ты против всего мира. Мы им еще покажем.

3

Ларри Валентайн никогда не полагался на волю случая. Тем вечером все должно было быть идеально. От легких волованов⁵ с грибами до изысканного шампанского. Вообще-то он не был ценителем игристого, предпочитая ему односолодовые напитки. Но брата, несомненно, впечатлит экстравагантная винтажная бутылка «Теттенже»⁶. Несколько кубиков льда упали в хрустальный стакан. Мужчина налил себе немного виски, сделал первый глоток и сморщился, ощутив во рту кисловатый привкус. Сжав губы и стиснув краешек стула так, что костяшки пальцев побелели, он сделал два глубоких вдоха и выдоха. От мыслей о Мартине всегда учащалось сердцебиение. Затем снова развернул газету и принялся изучать зернистое черно-белое изображение. Брат смотрел прямо в камеру, а молодая жена повисла на его руке, не в силах оторвать от своего супруга взгляд, полный нескрываемого обожания. Он провел пальцем по лицу Кэрол в надежде прочесть по нему, сожалеет ли она о том, что выбрала не Ларри, а его брата.

Само собой, приглашения на их свадьбу он не получил. Ну и ладно. Он все равно проскользнул в церковь вслед за неве-

---

⁵ Волова́н – пикантная закуска французского происхождения, небольшого размера выпечка из слоёного теста в форме башенки.

⁶ Теттенже – старинный французский винодельческий дом шампанских вин.

стой, вышагивающей по проходу в облаках розовой пены, и батальоном ее разодетых в тафту подружек. Когда Мартин обернулся, чтобы встретить будущую жену, его лицо, светившееся неподдельной радостью, довольно очевидно выражало и самодовольство. Пришлось закрыть глаза, сосредоточиться на собственном дыхании и до боли сжать кулаки.

Когда священник спросил, известны ли кому-нибудь причины, по которым эти двое не могли вступить в законный брак, Ларри так прикусил губу, что ощутил металлический привкус крови во рту. Пока счастливые новобрачные ставили свои подписи, он бесшумно вышел из церкви. Не поздравлять же их, в конце концов.

Сдвинув штору в сторону, он взглянул на ворота, которые открыл заранее, чтобы Кэрол не пришлось выходить из машины и звонить, иначе ветер и влажность могли растрепать ее прекрасные светлые локоны. Ларри всегда был таким предусмотрительным и ставил ее нужды впереди своих, был готов на все ради нее.

Хруст колес по гравию возвестил об их появлении. По дороге к входной двери он на секунду задержался у зеркала и, лизнув средний палец, пригладил брови, а затем распылил на себя еще немного одеколона, хотя уже проделывал это совсем недавно. Расстегнув еще одну пуговицу на белой накрахмаленной рубашке и откинув челку со лба, он наконец открыл дверь и увидел Мартина за рулем остановившейся машины. Помогая себе зубами, тот стягивал во-

дательские перчатки. Когда открылась пассажирская дверь, Ларри увидел элегантные туфли и восхитительные лодыжки Кэрол, хрупкие и изящные, как у породистой лошади. Она заговорила первой.

– Привет, – при виде дома губы ее сложились так, словно ей хотелось присвистнуть, – а ты неплохо тут устроился.

Ларри спрятал трясущиеся руки в карманы брюк, раздумывая о том, как предписывал действовать в таких случаях протокол. Все же не каждый день ему приходилось приветствовать брата и девушку, которую он увел, на пороге дома. Наклонившись, он быстро поцеловал ее в щеку и, ощутив знакомый запах ее крема для лица, словно вернулся в прошлое.

– Привет, Кэрол. – Он посмотрел ей прямо в глаза, решив не отводить взгляд, даже если будет очень больно, когда он не найдет в них ни тени ответной любви. – Проходи, пожалуйста.

Прежде, чем протянуть руку брату, он стиснул в кармане носовой платок в надежде, что он впитает выступивший пот.

Ларри повел их на кухню. Мартин покровительственно обнимал жену за плечи, словно хотел лишний раз продемонстрировать, что теперь она принадлежит ему.

Пренебрегая светской беседой, брат сразу перешел к делу.

– Зачем ты пригласил нас сюда, Ларри? – спросил он.

– Зачем ты принял мое приглашение, Мартин?

Кэрол переводила взгляд с одного на другого. Ее глаза

расширились в ожидании очередной стычки.

– Пожалуйста, мальчики, не будем ссориться.

Мартин окинул взглядом просторную кухню, оформленную в бежевых и желто-оранжевых тонах, с которыми резко контрастировала сияющая белоснежная техника.

– Катаешься, как сыр в масле, да?

– Это называется тяжелая работа, – хмыкнул Ларри. – Тебе она незнакома.

Кэрол бросила сумку на столешницу.

– Серьезно, если вы собираетесь продолжать в том же духе, я уйду, – она бросила взгляд на холодильник. – Ларри, у тебя тут есть что-нибудь холодное? – спросила она, покосившись на мужа. – Желательно, с градусами.

Хозяин дома достал ледяное шампанское, содрал с него фольгу с оплеткой и взялся за пробку.

– Пижон, – пробормотал Мартин.

Пена вырвалась из горлышка и заскользила по бутылке.

– Ни капли мимо, – взвизгнула Кэрол, протягивая Ларри свой бокал, а тот при этом многозначительно посмотрел на брата.

Тот принял из его рук бокал и провозгласил тост:

– За победителей и проигравших. И за любовь, – он улыбнулся Кэрол и поцеловал ее чуть дольше, чем позволяли правила приличия. Мартин извлек из кармана пиджака свежую пачку и привычным движением зажал сигарету между губами.

– Здесь не курят, – заметил Ларри. – Тебе лучше пойти в сад, там, у пруда, есть скамейка.

– На улице февраль. Я не собираюсь морозить зад на твоей скамейке в темном саду.

– Тогда перестань дымить.

Кэрол сделала еще один глоток шампанского.

– Было очень мило с твоей стороны пригласить нас. Здесь просто чудесно, – сказала она, обводя рукой пространство вокруг.

Мартин усмехнулся.

– Для этого нас и пригласили, глупышка. Чтобы показать тебе, чего ты лишилась, выбрав меня. И что могла бы иметь, останься ты с ним. Он до ужаса предсказуем.

– Это правда? – спросила девушка.

– Пусть думает, что хочет. Я просто хотел зарыть топор войны. Нет смысла и дальше упиваться своими обидами. Обновим? – предложил Ларри, взяв в руки бутылку.

Наполнив бокал Кэрол, он исподтишка взглянул на брата. А ведь тот был чертовски прав относительно причины приглашения. И, судя по его лицу, встреча обещала пройти даже веселее, чем можно было надеяться.

4

В воздухе висела голубая дымка. Свет был погашен, и когда Вайолет смотрела на публику, десятки огоньков зажженных сигарет казались ей танцующими во мраке светлячками. Она ждала своего часа, пока на сцене ведущий выдавал последнюю порцию грязных шуток, ни капли не смешных, на ее взгляд. Вряд ли работу в мужских клубах можно было считать респектабельной, но платили в них неплохо, и публика была благодарной, так что к концу вечера банка для чаевых обычно заметно тяжелела. Тара стояла рядом, сосредоточившись на пакете картошки с соусом карри.

– Ради всего святого, – сказала Вайолет, обмахиваясь рукой, – я выйду на сцену пахнувшей, как индийская забегаловка.

Тара засмеялась.

– Удачи, мама, по-моему, тебе пора.

Ведущий закричал в микрофон:

– А теперь по многочисленным просьбам на сцену выходит ваша и моя любимая, роскошная, восхитительная мисс Вайолет Скай.

Растягивая ее имя так, словно представлял боксера на ринге, он театральным жестом пригласил ее выйти из-за кулис. С благодарным кивком Вайолет заскользила по сцене, шлейфом платья подметая всю пыль.

– Спасибо, Дин.

Он поцеловал ее в щеку и приобнял, чтобы фирменным жестом стиснуть левую ягодицу.

– Вперед, дорогая, они все твои.

Толпа разгоряченных нетрезвых мужчин в едином порыве поднялась на ноги, приветствуя ее криками и аплодисментами. У некоторых чуть слюна не капала. Она ждала, пока утихнет шум, нацепив самую лучезарную улыбку, так что чуть щеки не заболели. Денег едва хватало на жизнь, но все же это был еще не самый худший способ зарабатывать. Боа послушно соскользнуло на пол, и она кивнула звуковику.

Сорок пять минут спустя зрители, снова вскочив на ноги, провожали Вайолет бурными овациями и оглушительным свистом. Подобрав боа, женщина направилась в комнатушку, именуемую ее гримеркой, которая напоминала скорее потрепанную кладовку. Свисающая с потолка лампочка освещала зеркало и деревянный стол, забравшись на который, Тара грызла леденцы со вкусом колы.

– У тебя так скоро зубов не останется, юная леди, – возмутилась Вайолет, но дочь проигнорировала ее замечание.

– Как все прошло? – спросила она.

– Думаю, нормально. Я просто изображаю улыбку и терплю все это. Приятного мало, зато волки сыты. То есть в нашем случае мистер Симпсон.

Тара соскользнула со стола и передала ей записку.

– Что это? – нахмурилась мать.

– Номер телефона одного парня, который хочет, чтоб ты ему позвонила. Насчет концерта в «Аметист Лаундж».

Вайолет схватила дочь за руку, чтобы изучить записку.

– Не надо так шутить со мной. Или ты серьезно?

– Да, мам, вполне. Ты что думаешь, я тут сижу и сочиняю небылицы?

– «Аметист Лаундж»? Как это?

– А я откуда знаю? Позвони ему и спроси.

– Еще бы, позвоню, – ответила женщина, прижав записку к груди и подняв глаза к потолку, где паутина провисала под грузом пыли. – «Аметист Лаундж», Тара. У них панорамные окна, плюшевый ковер и все кругом малиновое и золотое. Никакого липкого линолеума. И зрители, наверно, ничем не бросаются. А уж платят там наверняка больше, чем в этом захудалом кабаке.

– Тогда иди и позвони ему, – поторопила Тара. – В холле есть таксофон.

– Найдется два пенса, детка? – просила мать, похлопывая по своему плечу.

Когда они возвращались к себе, было уже глубоко за полночь. Рука об руку, мать и дочь со смехом шагали по слабо освещенной улице. От мороза немела кожа.

– Теперь у нас точно все будет отлично, Тара, я уверена. Я ждала этого шанса всю жизнь. Выступление в «Аметист Лаундж». Это же решение всех наших проблем.

– Спокойнее, мам. Все же это не «Лондон Палладиум»⁷.

– Кто знает, чем это закончится? – ответила Вайолет. – Там выступали Брюс Форсайт, Джин Питни, Дасти Спрингфилд. Надо мыслить масштабно, детка. Хватит с меня работы в мужских клубах и танцев на церковных чаепитиях. Пора мне засиять по-настоящему.

Обхватив фонарный столб и запрокинув голову, она запела во весь голос.

– Тише, мам, ты же всех перебудуешь.

– Они еще спасибо мне должны сказать за возможность бесплатно послушать концерт талантливейшей мисс Вайолет Скай. Потом еще будут внукам об этом рассказывать.

Внезапно Тара остановилась и уставилась куда-то в темноту.

– Мам.

– Что, милая?

– Что это там такое? Прямо перед нашим домом?

Женщина прищурилась в темноте.

– Похоже, кто-то упал и лежит. Наверно, какой-то бродяга перепил и отключился, – она взяла Тару под руку. – Давай посмотрим, можем ли мы чем-то помочь.

Они осторожно приблизились к темной куче на тротуаре, и мать опасливо ткнула в нее носком ботинка.

– Ой, это не человек, а просто мешок с каким-то тряпьем.

---

⁷ «Лондон Палладиум» – один из самых прославленных музыкальных театров Великобритании, где нередко выступают звезды.

Вайолет осторожно ослабила тряпку, которой он был перевязан, боязливо просунула руку внутрь и извлекла на свет тонкую рубашку, зажав ее краешек между двумя пальцами.

Тара опустилась на колени рядом с матерью.

– Это же моя лучшая блузка.

Женщина нахмурилась и, когда к ней пришло полное осознание произошедшего, быстро перевернула вещи в мешке.

– Ублюдок, – прошептала она и, выпрямившись, погрозила кулаком в сторону окон. – Тебе это с рук не сойдет, Колин, – стараясь успокоиться, она глубоко вдыхала ледяной воздух, от которого болели легкие. – Слышишь меня, ты, гадкая пародия на человека? Как ты можешь спать, зная, что выкинул на улицу мать с дочерью?

Она закинула мешок на плечо.

– Тебе же хуже, Колин, – прокричала Вайолет, изо всех сил напрягая голосовые связки. – Я отправляюсь туда, где ты и мечтать не можешь оказаться. Так что оставь себе свою отвратительную лачугу. Надеюсь, ты сгниешь в аду.

Услышав, что Колин распахнул окно, она схватила дочь за запястье.

– Эй, Вайолет, – прокричал он, – ты кое-что тут забыла.

Он высунулся из окна и прежде, чем они успели что-то понять, вылил на голову бывшей квартиросъемщице целое ведро холодной воды. Шокированная женщина могла лишь бесшумно открывать и закрывать рот. Чтобы излить на него

весь гнев, нужно было, чтобы к ней сначала вернулся голос.

2018

Несмотря на то что мы развелись два года назад, я по привычке сразу позвонила Ральфу. Он часто работал по утрам из дома, чтобы позволить своей мадам сходить на маникюр или похихикать с подружками за чашкой обезжиренного латте. Он поднял трубку на втором гудке.

– Ральф Ричардс слушает.

– Ральф, это я.

Последовала недолгая пауза.

– Доброе утро, Тара. Чем могу быть полезен?

Я напряглась, услышав этот деловой тон. Мы ведь были женаты двадцать три года, у нас общий ребенок.

– Я получила очень странное письмо... от адвоката.

– Меня это не касается, – ответил бывший муж. В эту секунду где-то рядом с ним раздался истошный вопль, и мне пришлось отвести трубку подальше от уха. Видимо, у одной из близняшек началась истерика.

– Ты заткнешься, в конце концов? Я тут по телефону разговариваю.

Ральф пытался прикрыть трубку, но я отчетливо это слышала и была шокирована.

– Ральф, я знаю, они могут вести себя, как маленькие монстры, но нельзя же так на них кричать.

– А, нет, близнецы в детском саду. Это Сюзи, – ответил он немного растерянно. – Что ты там говорила про письмо?

Этот хаос в его новой семье немного сбил меня с толку, но я старалась не злорадствовать.

– Утром пришло заказное письмо. Я думала, оно от... – Мне пришлось прерваться, чтобы он не догадался.

Может, мы и разошлись, предварительно уладив финансовые вопросы, но мы все еще были официально женаты. Мысль о том, что скоро на меня повесят ярлык «разведенка», совсем не радовала.

– Оно от адвокатской канторы Ирвина Фортиса, из Лондона.

– Впервые слышу.

– Они хотят, чтобы я приехала, захватив с собой паспорт и много разных документов. Сказали, что действуют по особой инструкции и не могут вдаваться в подробности.

Я слышала, как он поскреб ногтями по щетине на подбородке.

– Как-то загадочно. Ты поедешь?

– Не думаю, что у меня есть выбор.

– А от меня ты чего хочешь?

Это был простой вопрос, но ответа у меня не было.

– Ничего, Ральф. Просто хотела с кем-нибудь поделиться.

Пришлось целый день набираться храбрости, чтобы позвонить этому Ирвину Фортису. В телефонном разговоре ничего выяснить не удалось, но мне хотя бы назначили

встречу на следующей неделе. Забронировав билет на поезд от Пикадилли до Юстона, я прыгнула в машину и поехала в хоспис по знакомому маршруту.

Парковка оказалась на удивление пустой. Желудок сжимался от знакомого чувства трепета. Хоспис святого Иуды – это удивительное место, где работают настоящие ангелы. Множество людей, включая и меня, были безмерно благодарны им за труд. Но почему именно святой Иуда? Он же покровитель отчаявшихся. Понятно, что это хоспис, но все же хотелось чего-то более оптимистичного.

Окно бабушкиной палаты выходило в сад, и кровать была размещена так, чтобы пациент мог в полной мере наслаждаться видом. Она спала с приоткрытым ртом, в уголках которого запеклась слюна, и казалась такой безмятежной и умиротворенной, что мне не хотелось ее будить. В последнее время сон был единственной передышкой, когда она не чувствовала боли. Все началось с кашля, на который бабушка долго не обращала внимания. С ее привычкой выкуривать по три пачки в день, она почти его не замечала. И продолжала молчать, даже когда начала кашлять кровью. Я узнала обо всем, когда боль в груди мучила ее уже год. Повела ее к врачам, но было уже поздно. Опухоль разрослась настолько, что они могли предложить лишь паллиативную помощь⁸.

---

⁸ Паллиативная помощь – подход, позволяющий улучшить качество жизни больных со смертельными заболеваниями путем облегчения боли и оказания психосоциальной помощи.

Для девяносто одного года бабушка держалась неплохо, но болезнь уже зашла слишком далеко, и она оказалась на пороге смерти. Мне не привыкать к потерям, но мысль о том, что ее скоро не станет, меня просто убивала. После Дилана, она была самым дорогим мне человеком на всем белом свете. Я взяла ее за руку. Под прозрачной сероватой кожей выступали бугристые синие вены.

– Ба, – прошептала я. – Это Тара.

Ее веки приоткрылись.

– Моя прекрасная девочка, – отозвалась она.

Я нажала кнопку, которой регулировалось положение спинки кровати, и та с легким жужжанием подняла бабушку мне навстречу. Ее улыбка становилась все шире и шире.

– Как дела? – спросила она. – Как наш Дилан?

– Пока всем доволен. Его явно увлекает студенческая жизнь. Хотя, ньюкаслским акцентом все же еще не обзавелся.

– Знаю. Он звонил на прошлой неделе. Мы душевно с ним поболтали. Он хороший парень, Тара.

Я кивнула.

– Ты очень дорога ему, ба, – в горле у меня защипало, – нам обоим.

Отвернувшись, я принялась поправлять и без того аккуратную стопку журналов на прикроватном столике, не в силах говорить.

Через неделю я уже локтями прокладывала себе путь на

Пикадилли. В сумке только самые необходимые для поездки вещи: газета, книга, айпод, наушники и бутерброды с ветчиной. Предвкушала, как смогу спокойно просидеть пару часов, наслаждаясь мелкими радостями, за которые дома себя обычно ругаю. Вообще-то я работаю два дня в неделю в приемной одного медицинского центра и имею полное право заниматься чем угодно в остальное время. Но все равно как-то неловко в будний день сидеть перед телевизором больше тридцати минут. А когда приходит моя домработница, Мойра, еще хуже. Много лет назад ее по собственной инициативе нанял Ральф. Он думал, это поможет мне высвободить драгоценное время для сына, и отчасти был прав. Но если достаточно часто и долго читать книжки о паровозике Томасе, чистка ванной покажется вполне привлекательным способом скоротать время. Мне давно уже не нужна помощь по хозяйству, ведь те двое, что всегда наводили беспорядок, съехали. Но, по правде говоря, ей нужны деньги, а мне нравится ее компания. Узнав о моей встрече в Лондоне, она предположила, что какой-нибудь дальний и хорошо забытый родственник оставил мне наследство. Бог знает, как Мойра пришла к такому выводу, ведь ей все известно о нашей семье.

Мое место нашлось быстро, но было занято. Пришлось попросить здоровенного детину пересесть. На дисплее над креслом было указано, что оно зарезервировано, и все же парень бубнил, демонстративно долго вытаскивая свою тя-

желенную сумку. Наконец, усевшись и мысленно поблагодарив его за то, что согрел сиденье, я принялась раскладывать свои вещи на столике, предвкушая несколько часов тишины и покоя в надежде, что ко мне не подсядет какой-нибудь любитель поболтать в пути. Увы, не успела я дочитать третью страницу газеты, как передо мной появился потрепанный лысеющий мужчина. Когда он убирал наверх свой багаж, видны были темные пятна пота, расплывающиеся под рукавами рубашки.

– Доброе утро! Едете в Лондон? – спросил он раньше, чем тронулся поезд.

О нет! Мне попался болтун.

– Угу, – промычала я, втайне надеясь, что он сходит в Кру⁹.

– Я тоже, – улыбнулся он.

– Вот и прекрасно, – с ответной улыбкой я потянулась за своими наушниками.

Сидя в шикарной приемной Ирвина Фортиса, я чувствовала, как пот ручьем струится по моей спине. На улице было по-осеннему свежо, но в офисе явно переборщили с отоплением. В результате получились тропики. Определенно, не стоило надевать эту серую блузку. Оставалось только обмахиваться журналом с кофейного столика и украдкой вытирать блестящий лоб салфеткой.

---

⁹ Кру – город в графстве Чешир, Великобритания.

– Здесь довольно тепло, верно? – спросила администратор из-за стойки, заметив мои мучения.

Довольно тепло! Куда уж ей понять меня, ведь девушке явно нет и тридцати. К тому же на ней блуза с глубоким вырезом. Такие исчезли из моего гардероба лет пять назад, если не больше.

Из открывшейся двери появился молодой человек в модном костюме и протянул мне руку.

– Миссис Ричардс? Меня зовут Джейми. Простите, что заставил вас ждать. Следуйте за мной.

Мы вошли в лифт и поднялись на шестнадцатый этаж. Светская беседа как-то не задалась. Три стенки лифта были зеркальными, так что пришлось без особой радости наблюдать свое отражение с разных углов. Сразу вспомнилась Сюзи, молоденькая подружка Ральфа, и на одно короткое, мимолетное мгновение я даже поняла, почему он оставил меня.

Джейми открыл дверь в кабинет и галантно пропустил меня вперед.

Внутри в глаза сразу бросалось огромное окно с великолепным, хоть и слегка затуманенным, видом на Лондон. Молодой человек пододвинул мне стул и занял свое место за массивным столом из красного дерева. Выглядел он не намного старше Дилана. Возможно, стажер. Он сцепил в замок дрожащие руки и положил их перед собой.

– Итак, вы принесли документы?

Светская беседа закончилась. Я наклонилась и, вынув из

сумки конверт, передала ему. Парень извлек из него мое свидетельство о рождении, водительское удостоверение и паспорт. В последнем он открыл страницу с фото и принялся внимательно изучать мое лицо. Мне хотелось провалиться сквозь землю, ведь прочесть его мысли в эту минуту было нетрудно. Удивленно вскинув брови, Джейми переводила взгляд с оригинала на фото и обратно.

– Последние пару лет были очень тяжелыми, – пояснила я. – Муж ушел, и...

Он жестом прервал меня.

– Нет нужды объяснять, миссис Ричардс.

Он поднял крышку принтера, стоявшего рядом с компьютером, и положил под нее мое свидетельство о рождении.

– Просто нужно снять копии с ваших документов.

Я кивнула в знак согласия и на секунду задумалась, не рискую ли стать очередной жертвой кражи личных данных.

– Хорошо, – хлопнул в ладоши мой собеседник. – С формальностями на этом покончено.

Он открыл папку и вытащил из нее копию письма, которое я получила от их фирмы.

– Думаю, вам интересно узнать, в чем же собственно дело.

Он просмотрел все заметки в файле, проводя пальцем по каждой строчке, словно пятилетний ребенок, который учится читать.

– Ладно, – сказал молодой человек. – Похоже, вас кто-то очень долгое время искал. С самого тысяча девятьсот во-

семьдесят первого года.

Первой мыслью, которая мне пришла, было: кто-то следит за мной из-за денег. Меня бросило в жар.

– О, – только и смогла вымолвить я.

Джейми потянулся через стол и взял в руки коробочку, которую я до тех пор не замечала.

– Вот.

Пальцы так дрожали, что мне едва удалось открыть крышку. Под ней, прикрытая тонкой черной бумагой, лежала визитка. «Локстон: сейфовые ячейки для хранения ценностей». Нахмурившись и отложив визитку в сторону, я взглянула на Джейми, но он только кивнул на коробку. Под вторым слоем той же бумаги на самом дне обнаружился маленький серебряный ключик. Я немного повертела его в руках и неуклюже уронила на стол. Парень поднял его и констатировал очевидное:

– Это ключ от сейфовой ячейки.

– Ясно, но что внутри?

– Понятия не имею, – ответил он. – Но что бы это ни было, оно дождалось вас там тридцать семь лет.

1978, Сан-Седеза, Испания

День начался как обычно. Едва рассвет забрезжил над горизонтом, Леонардо разбудил крик петуха на ферме через долину. Но это было вовсе не мелодичное ку-ка-ре-ку из детских сказок, а скорее, хрип и визг, как будто кто-то пытался придушить бедную птичку. Другие куры скреблись и курлыкали в амбаре внизу. Их монотонное кудахтанье едва не усыпило его снова. Лязг ручки сарая свидетельствовал о том, что кто-то открыл дверь. Затем раздались тихие шаги под лестницей. Парень улыбнулся и откинулся на подушку, заложив руки за голову и разглядывая стропила на потолке.

– Лео? – позвал тоненький голосок.

– М-м-м... Кто это там пришел? – шутливо поинтересовался он.

– Это я. Мама говорит, пора вставать.

– А-а-а, еще пять минут, малыш.

Лео услышал, как младший брат взбирается по ступенькам, медленно и осторожно, как он сам его и учил. Вскоре он появился в дверном проеме. На лице читалось негодование.

– Лео, сколько раз говорить тебе, что я уже не малыш. Мне почти восемь.

– Тебе не восемь, семи с половиной даже нет еще, Матео. – Старший брат широко раскинул руки. – Иди сюда, дружище.

Ты же знаешь, что всегда будешь для меня малышом.

Когда Лео исполнилось шестнадцать, мама объявила, что ей требуется операция по удалению матки. Вообще, так называемые «проблемы по-женски» преследовали ее с тех самых пор, как она в юном возрасте произвела его на свет. Вообще-то парнишка давно уже смирился и не чаял дожидаться братика или сестренку, но последняя искра надежды угасла лишь в тот день, когда Марисса легла в больницу на гистерэктомию. Пока ее готовили к процедуре, Лео и его отец, Фелипе, ждали в коридоре. Родители были вместе с двенадцати лет. Папа с искаженным тревогой лицом уже отполировал до блеска все плитки пола, шагая взад-вперед. Когда из палаты вышел доктор, по его лицу нельзя было ничего понять, но все же у Лео засосало под ложечкой от страха. Что-то явно шло не так.

– Сеньор Перес, – врач обратился к отцу, решительно положив руку ему на плечо, – боюсь, сегодня мы не сможем ее прооперировать.

– Но почему? Она ведь готовилась несколько недель, а теперь вы говорите мне, что...

Лицо доктора озарила сияющая улыбка.

– Сеньор Перес, мы решили отказаться от операции, потому что ваша жена беременна.

Лео подхватил под руку отца, который внезапно пошатнулся.

– У мамы будет ребенок?

– Да, – подтвердил доктор. – Мы полагаем, она уже примерно на седьмом месяце.

К Фелипе вернулась способность говорить.

– То есть вы хотите сказать, она родит всего через три месяца?

– Что-то около того. Хотите пройти к ней в палату?

– Слышишь, Лео? У тебя будет маленький братик.

– Или сестра, пап.

Отец покачал головой.

– Нет, это мальчик. Господь сотворил для нас настоящее чудо, – он прижал руки к груди и вознес тихую молитву.

Малыш родился спустя три месяца. Это был мальчик, как и предсказывал Фелипе. Марисса всегда была улыбочивой. Об этом свидетельствовали маленькие морщинки, гусиные лапки, вокруг глаз. Но когда Лео в тот вечер зашел в палату и увидел ее склонившейся над младшим сыном, подумал, что никогда прежде не видел ее такой счастливой и сияющей.

Она повернула младенца лицом к старшему брату.

– Скажи привет Матео.

– Это имя означает «дар божий», – пояснил Фелипе.

Лео на мгновение замер. Глаза крохи были закрыты, но ротик все время двигался, словно пытался что-то сказать.

– Можно мне подержать его?

Марисса передала ему сверток. В ту самую секунду, когда он впервые увидел это детское личико, он уже знал, что будет лучшим на свете братом. Он будет учить его ездить верхом,

поднимать, если упадет, и защищать от всего-всего на свете, что могло бы ему угрожать. Но, прежде всего, будет любить его.

– Привет, малыш, – прошептал он тогда.

Матео с разбега бросился в кровать Лео.

– Мама сказала, ты должен взять меня на лошадиные торги.

Старший брат театрально поскреб подбородок.

– Что ж, давай-ка посмотрим. А мама сказала, что ты хорошо себя вел?

Взгляд мальчишки был серьезным и сосредоточенным. Он энергично закивал.

– Очень хорошо.

– Тогда тебе лучше сбегать к маме и попросить ее приготовить мне чашку кофе. Встретимся на кухне.

– Спасибо, Лео. Я так тебя люблю.

Матео спрыгнул с кровати и принялся осторожно спускаться по лестнице. Даже язык высунул от усердия. Лео подождал, пока скрипнет закрывающаяся дверь, а потом укутался с головой в простыню, надеясь урвать еще десять минут бесценного сна.

Он любил это время, хотя на улице было еще холодно. Февраль приносил с собой восхитительное предвкушение весны и лета. Мама скоро будет стирать постельное белье, выбивать ковры и мести каменный пол во всех шести комна-

тах, вытряхивая остатки зимы и возвращая свежесть в старый фермерский дом. Отец займется ремонтом в конюшне: поправит петли, починит двери и протекающие желоба. А Лео оставалось подготовить к грядущему сезону лошадей и привести их в хорошую форму. После зимы нужно было проследить, чтобы все животные были подкованы.

Парень спустил ноги с кровати и пошарил по полу в поисках джинсов, которые сбросил с себя накануне вечером, натянул кожаные сапоги и набросил на голое тело рубашку. Снаружи было по-утреннему холодно, дыхание превращалось в воздухе в белый пар. Лео пробежал через двор и оказался в фермерском доме.

– Буэнос диас, – поприветствовала его мама, протягивая кружку крепкого кофе.

– Привет, мам, – ответил он, чмокнув ее в щеку.

От нее пахло лимоном, чесноком и лавандой. Эти запахи всегда напоминали Лео о доме. Волосы у Мариссы были стянуты в тугой пучок, и выглядела она утомленной, словно уже отработала целый день. Надув щеки, она вытаскивала из печи тяжеленный котел с кипящей водой.

– Давай-ка это мне, мам, – сказал парень. – Присядь пока и выпей свой кофе.

Она с благодарностью рухнула на стул и обессиленно свесила руки по сторонам.

– Спасибо, Лео. Кстати, ты знаешь, что Матео сегодня едет с тобой на торги?

– Да, мам, мы уже виделись с утра.

– Он в восторге от этой идеи. Но ты обещаешь мне за ним присматривать как следует, понял?

Подняв глаза к потолку, Лео еле сдержал улыбку.

– Что с ним случится на лошадиных торгах?

Мать вздрогнула.

– Никогда не знаешь, что на уме у этих чудовищ с огромными зубами и копытами.

– У тебя просто слишком богатое воображение, мам.

Лео выглянул в окно. Во дворе Матео отвязывал свою собственную пони карамельного цвета. Мальчишка обнял Лалу за шею и раз за разом целовал в мягкую шкуру. Пони пыталась добраться до его кармана, чтобы полакомиться мятой. Одним ловким движением он оказался у Лалы на спине, попутно продолжая играть ее гривой. Лео одобритительно кивнул.

– Он явно пошел в нас с папой...

Марисса поднялась со стула и подошла к окну.

– М-м-м... Могло ли быть по-другому? Странно, если бы он выбрал фламенко.

– Верно, – согласился старший брат и поставил свою чашку на стол. – Я быстро приведу себя в порядок, и поедем.

– Обязательно бродить тут полуголым? – Марисса слегка толкнула его в упругие мышцы на животе. – Когда приедут гости, это будет недопустимо.

Она провела пальцами по волосам сына.

– Слишком отросли, Лео.

Парень посмотрел на себя в зеркале над камином.

– А мне нравится, – он подмигнул матери, – и Габриэле тоже.

По мере того как утро плавно перетекало в полдень, главная площадь деревни Сан-Седеза неторопливо оживала. В деревянно-кирпичных домах, склонившихся над мощеной улицей, открывались ставни. На тротуаре появлялись прилавки, заваленные овощами и фруктами. Их яркие цвета заметно выделялись на фоне светлой площади. Подъем на вершину холма зачастую становился нелегкой задачей, особенно для пожилых людей и приезжих, не привыкших к такой жаре и высоте. Лео взял младшего брата за руку, и они вместе вошли в уютную пекарню, только чуть запыхавшись. – Ты предложишь ей быть твоей подружкой? – спросил Матео.

– Что? Кому?

Мальчуган захихикал.

– Ты знаешь, кому. Габриэле.

Лео сжал ладошку брата.

– Тише ты, она же услышит.

– Не знаю, чего ты тянешь, Лео.

Габриэла закончила выкладывать на деревянный стол буханки белого хлеба и улыбнулась братьям.

– А вы двое ранние пташки, – сказала она, заворачивая для них в бумажные салфетки пару булок.

– Мы идем на лошадиные торги, – улыбнулся Матео. –

Хотим купить новую лошадку.

– Какой же ты милый!

– Я хочу девочку окраса паломино¹⁰, чтобы они с Лалой стали подружками.

Лео взъерошил волосы мальчугана.

– Мы не выбираем цвет, Матео. Он не важен. Нам нужна лошадь с правильным темпераментом. Не забывай, что некоторые из наших гостей совсем не умеют ездить верхом.

Габриэла громко засмеялась, запрокинув голову, как делала всегда, стоило ей услышать что-нибудь хоть немного забавное. Ее каштановые волосы были собраны на затылке, но не так туго, как у его матери, так что некоторые пряди выбивались и обрамляли лицо. Она, вероятно, была на ногах уже несколько часов, но на ее оливковой коже не видно было ни следа усталости, а шоколадные глаза ярко сверкали, несмотря на то, что девушка едва ли много спала предыдущей ночью. Ее полные губы все время улыбались, и красота ее однозначно соответствовала любым канонам.

– Лео!

– Что, Матео? – спросил старший брат, стряхивая оцепенение.

– Я говорю, когда уже ты предложишь Габриэле встретиться? А то кто-нибудь другой опередит тебя.

– Ах, Матео, – проговорила девушка, приблизившись к

---

¹⁰ Паломино – масть лошадей, характеризующаяся золотисто-желтым окрасом туловища и светлыми, почти белыми, гривой и хвостом.

краю прилавка, где стоял мальчик, и ущипнула его за щеку, – я берегу себя для тебя. Так что расти быстрее.

Она положила несколько чуррос¹¹ в бумажный пакет и вложила его в руки ребенку.

– Угощайся, малыш. Приятного дня, красавчики, – добавила она, улыбаясь Лео.

Выйдя на площадь, старший брат обратился к младшему:

– Эй, обязательно было это говорить?

– Мама сказала, тебя нужно подтолкнуть к действиям, – ответил Матео, доставая из пакета ароматное печенье.

Лео энергично потер лицо.

– Бога ради, нельзя мне разобраться со своей личной жизнью без вмешательства матери и младшего братца?

Мальчик улыбнулся губами, к которым прилип сахар.

– Ну, учитывая, что тебе в этом году исполнится двадцать пять... Видимо, нет, нельзя.

Несмотря на легкое раздражение, старший брат рассмеялся.

– И это, как я понимаю, тебе тоже мама сказала.

Лео обернулся и посмотрел на пекарню. Габриэла уже была снаружи, натягивала полосатый козырек перед входом. Остановившись на секунду, она вытерла рукой пот со лба. Заметив его пристальный взгляд, девушка опустила голову и застенчиво улыбнулась.

Вдали над горами уже поднялось солнце, заливая поля

---

¹¹ Чуррос – традиционная испанская выпечка из сладкого заварного теста.

теплым абрикосовым сиянием. Ночной дождь прибил пыль. Подготовленные к продаже лошади рядами стояли в собранных на скорую руку стойлах. Матео вертелся на своем месте и забрасывал брата вопросами:

– Почему эта лошадка бьет копытом?

– Потому что ей не терпится найти себе нового хозяина и отправиться домой.

– Мы можем ее купить?

– Нет, Матео, для нас она слишком большая и дорогая.

Мыслями Лео был где-то далеко.

– Думаешь, она согласится, Матео?

– Кто согласится и на что?

– Габриэла. Согласится она, если я ей предложу встречаться?

Мальчишка сложил руки на груди и покачал головой. Этот жест он, несомненно, перенял у матери.

– Мама говорит, вас нужно лбами столкнуть.

Он нахмурился и принялся жевать ноготь на большом пальце, очевидно, обдумывая такую возможность.

– Хотя я не очень понимаю, чем это поможет. Это же будет больно, а с головной болью вы вряд ли захотите идти на свидание.

– Ты кругом прав, малыш, – расхохотался Лео.

К вечеру старший из братьев наконец выбрал лошадь нужного размера с мирным характером, идеально подходящим для того, чтобы катать неопытных наездников, которые име-

ли привычку слишком резко дергать поводья или, наоборот, сидеть в седле, словно мешок картошки. Тени вокруг удлинились, а веки Матео отяжелели.

– Как мы назовем ее? – спросил мальчик, зевая.

– У нее уже есть имя. Гармония.

– Прекрасное имя для прекрасной розовой лошадки.

– Эта масть называется чалой, малыш. Ну что, ты готов?

Нам нужно загрузить ее в фургон. Возьми-ка. – Он позволил младшему брату взять лошадь под уздцы, и теперь Матео просто распирало от гордости и уверенности, которые вселил в него Лео.

Братья шли к полю, где стоял фургон, наблюдая за тем, как разбирают стойла. Матео указал на загон, воздвигнутый в тени громадного безлистого дерева.

– Что не так с этим конем, Лео? Он какой-то грустный.

В центре загона стоял, низко опустив голову, черный жеребец. Передняя нога была привязана к задней толстой веревкой.

– Почему ему ноги связали? Мне это не нравится.

– Его стреножили, Матео. Я тоже этого не люблю, но, должно быть, тому есть какая-то веская причина. Пойдем посмотрим.

Рядом со стойлом в раскладном кресле лежал, надвинув кепку на лицо, пожилой мужчина. Между пальцев у него дымилась сигарета.

– М-м-м, простите, – обратился к нему Лео, – эта лошадь

продается?

Мужчина подпрыгнул на месте и потерял равновесие, руки его дрожали.

– Вы меня до смерти напугали, – прорычал он.

– Эта лошадь, – настойчиво повторил Лео, – продается?

– Да, – ответил старик, – только покупать никто не хочет, как обычно.

Матео вышел вперед, уперев руки в бока, и с искаженным гневом лицом спросил:

– Почему вы его связали? Это жестоко, – он ткнул пальцем в сторону мужчины. – Вы очень жестокий!

Старик прищурился и сделал долгую затяжку.

– Потому что он дикий, молодой человек. Вам лучше не видеть его развязанным.

Лео перебрался через металлическую ограду и медленно приблизился к жеребцу. Тот поднял голову и принялся, закатив белки и раздувая ноздри, рыть свободным копытом пыль.

– Тише, мальчик... Все хорошо. Не бойся меня, – он осторожно провел ладонью по передней ноге коня.

Слишком туго затянутая веревка врезалась в кожу животного, причиняя боль.

Парень провел по шее лошади, по лоснящейся от пота шелковистой черной шкуре, и огляделся.

– А где вода? – спросил он, не обнаружив в загоне ни одной емкости.

– Нету, – усмехнулся старик, поднявшись со стула и при-слонившись спиной к боковой опоре загона, – он ее перевернул.

– Сколько? – с трудом подавляя растущий внутри гнев, спросил Лео.

– Почти полное ведро.

– Нет, сколько вы хотите за эту лошадь?

– Собираешься купить?

– Смотря сколько.

– Это породистый жеребец, чистокровный. И у него может быть много сыновей.

Парень чувствовал, как шкура коня еще подрагивала под его рукой, но дыхание стало спокойнее и ровнее.

– Разбираешься в лошадях?

Лео кивнул.

– Всю жизнь с ними.

– Можешь забрать его за тридцать тысяч песет¹².

Матео потянул брата за руку:

– Пожалуйста, давай купим его. Нельзя оставлять лошадку с этим ужасным человеком.

– Почему так дешево? – спросил Лео. – Ты сказал, он чистопородный жеребец. И явно стоит больше.

Старик ухмыльнулся, продемонстрировав отсутствие зубов, что придавало ему еще более отталкивающий вид.

– Он же дикий. Необучаемый. И я вам честно об этом ска-

---

¹² Песета – в прошлом основная денежная единица Испании.

зал. Так что еще благодарить меня должны.

Парень снова взглянул на коня. Тот не выглядел диким, а, напротив, казался сломленным, словно из него вышибли дух.

– Прощу, – умолял младший брат со слезами на глазах. – Мы не можем его тут оставить.

Лео протянул старику руку со словами:

– Двадцать пять тысяч. По рукам?

Тот плюнул себе на ладонь и с размаху хлопнул по руке парня.

– Он твой. Но не говори потом, что я не предупреждал.

Лео наклонился, прижался лицом к носу жеребца и выдохнул. Через мгновение тот дохнул ему в ответ теплом.

– Как его зовут? – спросил парень.

– Дьябло, – прозвучал ответ.

Но новый хозяин лошади не вздрогнул.

Дьябло. Дьявол.

1978

Вайолет дрожала в своем шерстяном пальто, которое промокло насквозь и пахло теперь шерстью старого лабрадора. Зубы у нее стучали, а губы приобрели пугающий синий оттенок. Тара обнимала мать, стараясь хоть немного согреть и поддержать ее:

– Вперед, нам нельзя останавливаться.

Женщина с трудом брела вперед. Узкое платье позволяло делать лишь небольшие шаги. За собой она тащила по тротуару мешок с одеждой.

– Не могу поверить, что он это сделал, – сказала она в сотый раз. – Зачем? Почему он такой мстительный?

– Да, мама, ты уже это говорила. Но все уже произошло. Так что теперь нам лучше сосредоточиться на том, чтобы найти себе новое жилье. Если, конечно, ты не хочешь ночевать в подземном переходе с другими бездомными.

Вайолет потеряла глаза. Тушь сплыла на середину щек, придавая ей сходство с пандой.

– Я так больше не могу, Тара. Стоит чему-то хорошему произойти, следом обязательно случится что-то ужасное. Словно мне не позволено быть счастливой.

– Хватит, мам. Вообще-то я капризный ноющий ребенок, а не ты.

Женщина выдавила из себя улыбку.

– И как ты умудрилась вырасти такой умницей при такой никчемной матери, а?

– Сама не знаю, загадка какая-то. – Тара сделала паузу. – Может, нам пора вернуться домой? К твоим родителям?

Вайолет остановилась так резко, что непроизвольно дернула Тару за руку.

– Нет, детка. Ты знаешь, что это невозможно.

– Все возможно, мам. Мы могли бы...

– Нет, Тара. И хватит об этом.

Они продолжили свой путь в молчании. На улицах было пустынно. Только бродячая собака в переулке гоняла туда-сюда пустую консервную банку.

– Ну и грохот, – пробормотала Вайолет.

Они уже были на окраине города, среди многочисленных магазинов с металлическими ставнями на окнах и разнообразными граффити на стенах. В хозяйственном магазине горел голубоватый свет лампочки, которая призвана была отпугивать насекомых или что-то в этом роде. Он придавал всему интерьеру какое-то мистическое свечение.

Вайолет посмотрела на их отражение в витрине:

– Только взгляни на нас, Тара. Можешь себе представить, что я выйду на сцену в «Аметист Лаундж» в таком виде? – Она посмотрела на длинный шлейф своего платья. – Ему конец. Точно.

Тара проигнорировала ее жалобы.

– Посмотри сюда, – девочка указала матери на объявление в окне.

«Сдается комната».

Женщина усмехнулась.

– Мы не можем жить над вшивым хозяйственным магазином. Как я буду выходить на сцену, пропахшая парафином и нафталином?

Тара уставилась на мать:

– Я думаю, это не та ситуация, в которой мы можем позволить себе выбирать. Согласна?

И не удосужившись дожидаться ответа, девочка постучала в стеклянную дверь с табличкой «закрито», покачивающейся на крючке.

– Что ты делаешь, Тара? На дворе час ночи.

– Мам, – вздохнула девочка, – я замерзла, устала и проголодалась. Не говоря уже о том, что мне надоело. Сколько можно шататься по улицам, как пара шлюх...

– Тара! Не будь такой грубой.

Вайолет внезапно прислонилась к стеклянной витрине, закрыв глаза, пытаясь бороться с нахлынувшей слабостью.

– О, кто-то идет, – сказала ее дочь, заглянув в стеклянную дверь и оставив на ней след своего носа.

Девушка прочистила горло и выпрямилась, услышав, как кто-то отодвигает засовы. Дверь открылась, и ночную тишину нарушил звук колокольчика. Пожилой джентльмен успел накинуть халат, но его зубы, вероятно, так и остались в ста-

кане на прикроватной тумбочке.

Нахмурившись, он взглянул на них сквозь очки в толстой оправе:

– На дворе час ночи.

– Именно это я только что ей и говорила. – Вайолет потянула дочь за руку. – Простите, что разбудили вас, мистер...

– Бикерстафф, – представился он, осматривая Вайолет с головы до ног. – Но что с вами стряслось?

– Это очень долгая история, мистер Бикерстафф. Простите, пожалуйста, что разбудили. А теперь мы пойдем дальше и...

– Мы в отчаянии, – перебила ее Тара дрожащим голосом. – Помогите нам, пожалуйста.

Поджав губы, Вайолет бросила недовольный взгляд на дочь, а затем повернулась к Бикерстаффу:

– Ну, не то, чтобы в отчаянии, на самом деле...

– Хватит, мам, – отрезала девушка. – Нам очень нужна помощь. Забудь о своей гордости.

Женщина бросила мешок на пол, пригладила пальцами мокрые волосы и, вздернув подбородок, проговорила с дикцией телеведущей:

– Мы хотели бы поинтересоваться насчет комнаты, которую вы намерены сдать в аренду.

Мистер Бикерстафф перевел взгляд с одной на другую, а затем приоткрыл дверь немного шире.

– Тогда почему бы вам не войти и не взглянуть на нее?

Они последовали за хозяином через магазин, тщательно обходя многочисленные щетки, корзинки, банки с краской и коробки с разнообразными тряпками.

– А у вас тут много товаров, – констатировала Вайолет, протискиваясь в узкий проход.

– Угу, ступайте осторожнее.

По деревянной лестнице они забрались на второй этаж и остановились, терпеливо ожидая, пока хозяин перепробовал с десяток ключей в поисках нужного.

– После вас, мисс.

Мать с дочерью вошли в комнату, а мистер Бикерстафф включил свет. Большую часть пространства внутри занимала двуспальная кровать. В одном углу расположился потрескавшийся умывальник, а в другом – небольшой шкаф. Оранжевый свет уличных фонарей с легкостью проникал сквозь тонкие, изъеденные молью занавески. В чугунном викторианском камине разместился обогреватель. Пахло довольно приятно, если, конечно, любишь запах засохшего печенья.

Вайолет схватила дочь за руку.

– Это... ммм... очень...

– Нам подходит, мистер Бикерстафф, – сказала Тара, бросив взгляд на мать, на лице которой было написано полнейшее отчаяние. – Все просто великолепно.

– Правда? О, я так рад, правда, – всплеснул руками пожилой мужчина. – Будет так здорово снова оказаться в компании молодежи.

Вайолет попыталась улыбнуться, но у нее получилась лишь гримаса, которая вряд ли могла убедить хозяина в том, что она всем довольна.

– А ванная комната?

– Ах да, она через коридор. Вам придется делить ее со мной, но не беспокойтесь, я провожу там совсем немного времени. Я принимаю ванну по пятницам с семи до семи тридцати. Кухня в задней части дома. Она уютная и довольно просторная. Но, опять же, общая для нас с вами.

Шаркающей походкой он покинул комнату.

– Оставляю вас здесь обживать. Если что-то понадобится, кричите, – он остановился и обернулся. – Комната стоит восемь фунтов плюс электричество. С оплатой я могу подождать до конца месяца.

– Нам не нужна ваша благотворительность, – возразила Вайолет. – Мы можем...

Тара встала перед матерью, чтобы прервать ее.

– Спасибо, мистер Бикерстафф, мы очень вам благодарны.

Хозяин кивнул.

– Ах, и еще кое-что. Зовите меня Альф.

Вайолет обмотала мокрые волосы полотенцем, а Тара завернулась в свой джемпер, и вместе они улеглись в ледяную постель.

– Он кажется вполне милым, да, мам? Уж точно лучше

этого гребаного Колина.

– Следи за своим языком, – сказала мать сонным голосом, не открывая глаз. Беспокойные мысли об их положении пу-
тались в голове.

– Маааам?

– Господи, боже мой, что еще?

– У меня есть одна идея.

– Выкладывай, я послушаю.

Тара приподнялась на локте.

– Почему бы не попросить о помощи бабушку с дедуш-
кой?

Вайолет мгновенно открыла глаза.

– Не начинай. Я уже говорила тебе, что...

– Я не про твоих родителей. Про других бабушку с дедуш-
кой.

– Даже если бы я знала, где они сейчас, у них нет лишних денег. Да и мы для них чужие, не забывай. Твой отец не го-
ворил им, что я беременна.

– Они вполне могли разбогатеть за это время. Если по-
следние четырнадцать лет они занимались пушниной в Мон-
голии, должно быть, заработали кучу денег.

Мать едва не рассмеялась вслух. *Занимались пушниной в Монголии.* Как она вообще могла такое придумать? Но если это поможет защитить Тару от правды, пусть будет так.

8

Как и предполагал Ларри, брат недолго выдержал без сигарет.

– Где моя дубленка? – спросил он.

– Она в гардеробной. Я принесу.

– Слышишь? В гардеробной, – Мартин кивнул Кэрол. – Помню, в детстве мы просто бросали куртки на перила, а теперь у него для них отдельная гардеробная.

– Перестань, – ответила девушка. – Было очень мило с его стороны пригласить нас. По меньшей мере, мог бы не задевать его. Иди уже. Накурись там до смерти.

Ларри немного напрягся, предполагая, что его брат не стерпит такого оскорбления. Но тот просто накинул пальто, приблизился к жене и поцеловал ее в щеку:

– Прости, любимая. Ты, как всегда, права. Я вернусь через мгновение.

Когда Мартин вышел, Ларри сел на диван рядом с Кэрол, так что их бедра соприкоснулись. Это было едва ощутимо, но девушка все же отодвинулась на пару дюймов.

– Я скучаю по тебе, Кэрол.

Она нервно засмеялась и посмотрела на дверь:

– Не говори глупостей, Ларри.

– Но это правда. Я никак не могу перестать думать о тебе.

– О, Ларри! – Она взяла его руку и положила себе на коле-

на. – Я думала, мы уже пережили это. Сколько же мне придется извиняться? Я полюбила Мартина и не в силах это изменить. Такое случается. Это не значит, что я не любила тебя. Просто его я люблю сильнее.

Ларри поморщился.

– Это нож в сердце, – сказал он.

– Я просто говорю честно. Я не жалею о своем решении уйти к Мартину. – Девушка потянулась за бокалом. – Конечно, мне жаль, что я причинила тебе боль. И я ужасно сожалею, что испортила твои отношения с единственным братом. Но никогда не пожалею о том, что вышла за него.

Она пожала плечами.

– Прости.

Ларри подошел к камину и встал к ней спиной.

– Я ведь был на вашей свадьбе, знаешь?

– Что?

Он услышал, как Кэрри встала и пошла по ковру.

– Но зачем?

Он обернулся к ней лицом.

– Наверно, просто хотел увидеть, как это произойдет. Тихонько проскользнул в церковь, как Дастин Хоффман в «Выпускнике».

Кэррол провела пальцем по ободку бокала:

– Люблю этот фильм.

– Я знаю, – улыбнулся Ларри.

– Пора и тебе найти свое счастье. Я точно знаю, есть кто-

то особенный, кто ждет тебя. И кем бы она ни была, надеюсь, она тебя заслуживает.

Кэрол споткнулась о персидский ковер, опрокинула шампанское себе на блузку и едва не упала, но он вовремя подержал ее.

– Осторожно!

Девушка промокнула пятно на блузке носовым платком:

– Все нормально. Думаю, удастся отстирать.

– Я имел в виду, осторожно, не пролей на ковер. Он стоил две штуки.

Она рассмеялась и рассыпала волосы по плечам. Привычка, которая была у нее много лет.

– Две штуки? На эти деньги новую машину можно купить.

– Он старинный.

– Какого черта, Ларри? Ты сошел с ума. Две штуки за ковер, а ведь он даже не новый.

– Его ценность будет только расти со временем. Если, конечно, кто-нибудь не зальет его шампанским.

Кэрол потянулась к его лицу, но ее пальцы застыли в паре миллиметров от щеки.

– Ларри, я правда очень надеюсь, что ты скоро встретишь свою единственную, – она обвела комнату рукой. – Мне не нравится думать, что ты слоняешься тут совсем один. Сколько у тебя спален?

– Шесть.

– Ого! Шесть?

Она отвернулась и погладила кремовую кожу дивана. Затем подхватила пурпурную пушистую подушку и, немного взбив ее, прижала к груди, чтобы уткнуться лицом в мех.

– Все это просто чудесно, Ларри, но ты не вернешь меня дорогими вещами. И именно тебе лучше всех это известно. Я люблю Мартина. Как бы больно тебе ни было это слышать, я сделала свой выбор.

Он опустил глаза, чтобы Кэрол не смогла прочесть в них, как глубоко его ранила. Было ясно заранее, что ее не тронет это показное великолепие. Правда, оно раздражало Мартина. Тот факт, что Ларри смог чего-то добиться, будет терзать его до самого конца.

– Я понимаю, что потерял тебя, – он вымученно улыбнулся и поднял руки, признавая свое поражение. – Знаю, что ты любишь Мартина. Но быть свидетелем вашей любви для меня слишком. Ты навсегда останешься для меня единственной. Прости, но я не могу представить себя счастливым рядом с кем-то еще, – он взял ее за руку. – И все же «лучше любить и потерять, чем так и не узнать любви».

Девушка не ответила, но ее глаза заблестели, и Ларри нежно отер единственную скатившуюся с них слезу большим пальцем. Она подняла к нему лицо. Теперь их разделяла лишь пара дюймов. Он ощущал ее теплое дыхание на своих губах. Но очарование момента нарушил Мартин, вернувшийся из сада.

– Какого черта, Ларри! – закричал он. – Стоит мне на ми-

нугу отойти покурить, и ты уже цитируешь Шекспира моей жене.

Кэрол резко обернулась:

– Хватит кричать. Мы просто разговаривали. Мартин прошел через комнату, оставив на кремовом ковре грязные следы ботинок, встал между ними и уставился на брата:

– Ничего не хочешь мне сказать?

Ларри спокойно взял свой бокал, немного повертел в руках и сделал глоток.

– Это Теннисон, Мартин, а не Шекспир.

Они ехали домой в Сен-Сездезу по разбитой дороге, по грязным переулкам, заваленным разным мусором. Боясь напугать лошадей в прицепе, Лео придерживался размеренного небыстрого темпа езды. Его нога едва касалась педали газа. Матео спал на соседнем сиденье. Каждый раз, когда их подбрасывало на выбоинах, он вздрагивал и просыпался. Дьябло вел себя тихо и спокойно, в отличие от Гармонии, которую нелегко оказалось завести в фургон. Возможно, старик сильно преувеличивал насчет бешеного норова этого жеребца. Тогда Лео совершил очень выгодную сделку.

Когда они вернулись, отец был во дворе. Лео спрыгнул на землю и позвал его:

– Пап, иди, взгляни, что у нас тут.

Матео проснулся, выскочил из кабины и устремился к ним.

– Папочка, – тараторил он, взволнованно дергая отца за руку, – мы купили двух лошадок. Одна розовая, а вторая – большая и черная. Дядя сказал, что она злая, но это не так. Сам он злой. Связал коня и не давал ему воды, и...

– Эй, помедленнее. – Фелипе потрепал младшего сына по голове и обратился к старшему за разъяснениями. – О чем это он?

Лео открыл фургон.

– Я не мог его там оставить, пап.

Увидев Дьябло, Фелипе нахмурился.

– Он стреножен?

– Да, – ответил Лео. – Я решил не развязывать его до конца пути, на всякий случай. Отведешь кобылу? – он передал отцу поводья.

Фелипе кивнул в знак одобрения.

– А вот это отличный экземпляр.

Гармония позволила провести себя в стойло. Ее уши все время подрагивали, улавливая звуки нового дома. Оказавшись без поводьев, она махнула хвостом, прошлась легким галопом и, оглядевшись, поприветствовала других лошадей мелодичным ржанием.

Сжимая метелку из перьев в руках, из дома вышла раскрасневшаяся Марисса:

– Наконец-то вы дома! Где тут мой маленький мальчик?

– Я здесь, мам.

Мальчишка бросился к матери, а она подхватила его и прижала к груди. Ребенок болтал ногами в воздухе.

– Ну, мама, мне нечем дышать.

Она спустила сынишку на землю и с открытым ртом уставилась на жеребца, которого Лео вывел из фургона. Неуклюжая, спотыкающаяся походка животного выглядела крайне неестественной.

– А это еще что? – наконец вымолвила она.

– Мамочка, это наша новая лошадка. Лео спас ее от жесто-

кого хозяина, – объяснил Матео, указывая на раны Дьябло. – Посмотри на его бедную ножку, это все тот старик виноват.

Марисса отступила на шаг.

– Он мне не нравится. Такие злые глаза.

– Нет, мамочка, не говори так. Его никто не хотел покусать.

– И это неудивительно.

Фелипе обнял жену за плечи.

– Лео знает, что делает, милая. Я научил его всему. Ты слишком много переживаешь по пустякам.

Она махнула перьями по его лицу:

– Такая уж у меня работа – переживать.

И, обернувшись к Матео, добавила:

– Марш на кухню – мыться перед ужином.

– Нуууу, мааааам. Я хочу остаться помогать Лео. Иначе как я научусь?

– У тебя еще куча времени впереди. А прямо сейчас нужно учиться быть хорошим мальчиком и слушать, что мама тебе говорит. Давай, давай.

– Иди с мамой, малыш. Я лучше сам присмотрю за Дьябло, пока он не привыкнет к новой обстановке.

– Дьябло? Это еще что такое? – закричала Марисса. – Ты привел в мой двор лошадь, названную в честь дьявола? Святая Мария, защити нас.

Она перекрестилась, воздев глаза к небу, и схватила за запястье недовольно ворчащего Матео. Всю дорогу до кухни

она вздыхала и неодобрительно покачивала головой.

Сумерки уже сгустились, когда Лео отправился проведать Дьябло. От ночного холода покалывало лицо, так что парень натянул шапку пониже и обмотался шарфом до самого носа. Привязанный к столбу жеребец жадно жевал сено. Лео погладил его по бархатной морде и мягко потянул за уши. Обвел пальцем белую звезду между глаз и провел рукой по теплому боку. Шкура Дьябло сияла, как полированное черное дерево. Конь казался спокойным, даже послушным. И его новый хозяин молча про себя заключил, что имел талант с первого взгляда разглядеть стоящую лошадь.

– Добрый вечер, Леонардо.

Он поднял глаза и, увидев Габриэлу, завернувшуюся в шерстяную шаль, инстинктивно пригладил волосы.

– Габриэла, что ты здесь делаешь?

– Ты, как всегда, очень мил, – улыбнулась она, указывая на тяжелую корзину, которую несла на предплечье. – Твоя мама пригласила на ужин. Я вот десерт принесла, – она откинула салфетку. – Последние гранаты в этом сезоне.

Похоже, мать решила взять все в свои руки.

– Мне нужно сначала о нем позаботиться, – он кивнул на жеребца. – Видишь его ногу? Связали слишком сильно, и веревка поранила кожу. Я сделаю медовый компресс, так быстрее заживет.

– Бедняжка. Я могу чем-то помочь?

– Если хочешь, попробуй поговорить с ним, чтобы успо-

КОИТЬ.

Смех Габриэлы напоминал звяканье тонкого фарфора.

– Поговорить с лошадьё? Какой же ты забавный, Лео.

Парень направил ее руку к носу лошади:

– Тогда просто погладь его.

Девушка захихикала, когда усы животного коснулись ее ладони.

– Как же его зовут?

– Дьябло.

Она отдернула руку, будто обожглась, и сделала шаг назад.

– Ну, нет, Лео, дай ему другое имя.

– И ты туда же. Менять имя жеребцу – плохая примета.

Парень включил шланг и облил прохладной водой ногу коня.

– Не бывает плохих лошадей, понимаешь? Бывают только плохие хозяева. И ему достался один из таких. Но теперь все позади, он дома.

Парень выключил воду и уткнулся лицом в шею Дьябло.

– Ты – хороший конь, слышишь? И никто тебя больше не обидит.

После ужина Габриэла и Лео отправились в его комнату, расположенную над амбаром. Пару лет назад Фелипе со старшим сыном оборудовали там уютное, хоть и простое жилище. С тех пор парень мог пользоваться некоторым уединением. Пол был дощатый, по углам висела паутина, зато это только его пространство, которое не приходилось ни с кем

делить. Ну, кроме мышей, конечно.

Габриэла присела на кровать и покачалась немного вверх-вниз, проверяя пружины:

– Тут очень мило, Лео, так уютно. Скажешь, что не приволил сюда разных девушек?

Озорной блеск в ее глазах смутил парня, и он решил проигнорировать вопрос.

– Мне нравится быть поближе к лошадям.

Он включил лампу, стоящую на столе, и при свете заметил, что Габриэла улыбается. Это была не обычная улыбка, а намек на что-то большее.

– Лео, я все думаю о том, что Матео утром сказал.

Парень притворился, что не помнит, о чем речь.

– Что же он сказал?

Она кокетливо ущипнула его за руку.

– Ты прекрасно знаешь, что. Что пора предложить мне встречаться.

– Ах, это... Не обращай внимания. Он всего лишь маленький ребенок, который не понимает, что болтает.

– Ты когда-нибудь думал об этом? В смысле, о свиданиях со мной.

Он сел на кровать рядом с ней и молча снял ботинки. Вряд ли когда-нибудь ему представится лучший шанс.

Лео потянулся к ее щеке, но остановился, так и не прикоснувшись. Слишком рано для такого смелого шага.

– Я только об этом и думаю, Габриэла.

– Тогда что тебя останавливает?

– Я думаю... как же объяснить тебе... Думаю, ты заслуживаешь большего, чем я могу тебе дать. Тебе нужен кто-то другой, чтобы обеспечить тебе достойную жизнь. Чтобы тебе не приходилось вставать среди ночи и печь хлеб. Чтобы у тебя был шанс уехать отсюда и начать новую жизнь где-нибудь в городе. И посмотреть мир. И сделать все то, о чем, сидя здесь, мы можем только мечтать.

– Но мне все это не нужно, Лео. Ведь я люблю нашу пекарню. Моя семья вот уже шесть поколений снабжает хлебом всю округу. И я люблю *тебя*, – девушка потянулась к его лицу, и ей хватило смелости прикоснуться к его щеке.

– Ты еще слишком молода, Габриэла, и не понимаешь, от чего отказываешься.

Он отстранил ее ладонь от лица, но не выпустил из своей. Их пальцы переплелись.

– А я старше тебя и... хммм... опытнее.

– Меня не волнует, что я не первая, кто ляжет с тобой в эту постель. Но я хочу быть последней.

Девушка откинула темную челку с его лица и наклонилась так близко, что Лео чувствовал ее горячее дыхание со сладкой примесью граната. Одной рукой она начала расстегивать его рубашку. Но он нежно перехватил ее запястье.

– Спешить некуда, Габриэла.

– Но, Лео, я люблю тебя, сколько себя помню. Мы вместе выросли. У нас общие детские воспоминания, глупые сек-

реты. Ты помогал мне донести сумку из школы, помнишь? На моих глазах ты стал мужчиной... красивым мужчиной, страстным и заботливым. В котором столько нерастроченной любви. Я замечаю, как ты относишься к Матео. И к лошадям. Это чудесно, – она схватилась за деревянную балку. – Пора остепениться, Лео. Время бесшабашного веселья прошло. Ты можешь искать еще двадцать пять лет, но тебе не найти женщину, которая будет любить тебя сильнее, чем та, что сейчас сидит рядом.

– Пора остепениться? Значит, ты поговорила с моей мамой.

Почему все женщины вокруг считают, что им лучше известно, как ему жить? Может, и правда пора перестать взбрыкивать и признать, что эта деревня будет его домом на всю оставшуюся жизнь. Иногда ему так хотелось узнать, что еще этот мир может предложить, но в глубине души Лео осознавал, что вряд ли когда-либо покинет это место. Однажды он был в Мадриде и едва не задохнулся от жары и давки. Казалось, на всех людей воздуха просто не хватит. Провести там выходные было очень интересно, но он едва дождался встречи с родной деревушкой, ее золотыми полями и уютными запахами. Если бы только можно было запереть в бутылке запах сена, навоза и лошадиного пота. Ведь ни одно животное в мире не пахнет так прекрасно, как лошадь.

У него было немало девушек. Говоря откровенно, их было очень много. В курортный сезон он менял их каждую

неделю. Гости с радостью поддавались коварному очарованию диковатого наездника, чьи опытные руки могли успокоить даже самую нервную кобылку. Но он никогда прежде не влюблялся. До этого момента.

– Лео?

Он взял лицо Габриэлы в ладони и позволил одной из них соскользнуть на ее шею, чтобы притянуть девушку ближе. Коснувшись ее нежных губ, он вновь ощутил теплое дыхание и понял, что больше ему нечего желать. Она прижалась к нему всем телом, и его руки оказались под ее платьем. Но внезапно Лео остановился.

– Подожди, Габриэла. В этот раз я хочу сделать все, как положено. Не будем торопиться. Позволь мне относиться к тебе со всем уважением, которого ты заслуживаешь, – он прочистил горло. – Габриэла Круз, окажете ли вы мне честь поужинать со мной завтра вечером?

Она встала и оправила свое платье. Девушка выросла в пекарне, и богатая углеводами диета сказалась на ее фигуре, придав ей умопомрачительные изгибы.

– Леонардо Перес, я с радостью приму ваше щедрое предложение.

– В таком случае, я...

Он остановился, услышав ржание. Но не то, тихое и забавное, которым лошади приветствуют друг друга. Это был скорее злобный горловой рык, вслед за которым хлопнула дверь конюшни.

Лео мгновенно вскочил на ноги и натянул сапоги.

Дьябло.

Парень сбежал вниз по лестнице и бросился во двор. Несмотря на темноту, он отчетливо видел черного жеребца с безумными глазами, который застыл в напряженной позе. Грудь его вздымалась, ноздри раздувались, а с морды капала пена.

– Тише, тише, мальчик. Все хорошо. Кто тебя напугал? – Лео приблизился и протянул коню ладонь, чтобы тот мог понюхать ее.

Он услышал испуганный вздох Габриэлы за спиной, но не решил обернуться. Никаких резких движений и громких звуков, когда приближаешься к напуганной лошади. Только тихие, успокаивающие слова. Ему почти уже удалось схватить поводья, когда Дьябло встал на дыбы, и его подковы сверкнули перед глазами Лео. Он отскочил назад, но недостаточно быстро. Конь сшиб его с ног. Габриэла закричала. Парень сильно ударился спиной, так что из него вышибло весь дух. Кое-как он перекатился на спину и поднялся на колени.

– Куда... куда он делся? – спросил Лео, задыхаясь, словно воздух поступал в легкие через тонкую соломинку.

Габриэла уже была рядом.

– Он пробежал по двору и перепрыгнул через ограду, – ответила она. – *Господи*, ты в порядке?

Она потерла ладонью его спину. Тут из дома выскочили

родители и бросились во двор.

– Ты в порядке, сынок? – закричала Марисса.

– Да, мам... Просто... Просто дыхание сбилось немного. Женщина подбежала к нему и упала на колени.

– Я знала, что этот конь принесет нам одни беды, но ты ведь никогда меня не слушаешь.

– Мам, только не сейчас.

Он протянул руку отцу:

– Поможешь подняться, пап?

Фелипе помог сыну встать на ноги.

– Не бойся, он далеко не уйдет. Просто наслаждается свободой. Видимо, ему еще не приходилось погулять на воле. Вот и все.

– М-м-м-м, – пробормотала Марисса. – Хотела бы я сомкнуть руки на его шее и дать себе волю.

Лео улыбнулся. Он знал, что мать и на пушечный выстрел не подойдет к этому зверю.

– Иди на кухню и приведи себя в порядок. Пойду, проверю Матео. Ума не приложу, как он может спать под такой шум.

– Да, мам.

Парень отряхнул рубашку и потянулся, сведя лопатки, чтобы избавиться от чувства оцепенения. Теперь потребуются новые поводья, фонарик и ведро корма. Он ведь ни за что не бросит Дьябло на произвол судьбы. В глазах лошади Лео, совершенно точно, видел испуг, а не злобу.

Габриэла приблизилась к нему сзади.

– Я иду домой, – сказала она, встав на носочки и поцеловав его в щеку. – Надеюсь, ты найдешь своего скакуна.

– Габриэла, я...

Его прервал оглушительный вопль матери, разнесшийся по всему двору. Подобрав юбки, она стояла в дверном проеме. Мягкое мерцание огня в камине подсвечивало ее силуэт.

– Матео пропал, – прокричала она. – Мой малыш пропал.

Его нашла Габриэла. Кто бы мог подумать, что девушка с таким мелодичным и нежным голосом способна так пронзительно визжать.

– Лееееееееооооооооо! – кричала она, задыхаясь.

Парень был на сеновале. Переворачивал тюки и встряхивал конские попоны. Младший брат любил приходить туда и, свернувшись калачиком, дремать вместе с кошками. Кроме того, его дымчато-серая любимица совсем недавно произвела на свет очередной помет котят. Услышав крик, Лео бросился во двор и едва не налетел на Габриэлу.

– Он... Он в конюшне, – выдохнула она. – Мне кажется, он не дышит.

Оттеснив ее в сторону, Лео бросился в стойло, отведенное Дьябло, и увидел там Матео со склеенными кровью темными волосами и разбитой переносицей. Он лежал на соломе с закрытыми глазами. Одна рука была согнута под таким неестественным углом, что сомнений не оставалось – она сломана. Лео рывком опустился на колени рядом с братом и прижал пальцы к его шее.

– Слава богу, Матео жив, – сообщил он, обернувшись к Габриэле, которая тихо стояла, прижав серебряный крестик к губам. – Скорее найди папу и маму, они пошли к пруду.

Склонившись над братом, Лео застыл, не решаясь к нему

прикоснуться.

– Матео, ты слышишь меня? – Он осторожно погладил мальчика по лбу, а затем поцеловал туда же. – Ну, пожалуйста.

Он снял рубашку и прикрыл ей брата. Тот дышал, все остальное просто не имело значения. Вокруг на соломе были разбросаны кусочки яблок, раздавленные и потемневшие. Лео покачал головой.

– Малыш, неужели ты пришел сюда покормить Дьябло?

В эту секунду на пороге появилась мать. Взмокшие от пота волосы липли к ее лицу.

– О, Матео, мой маленький сынок! – Отодвинув Лео в сторону, она села на колени в солому. – Он жив?

Марисса просунула руки под его обмякшее тело и пыталась приподнять мальчика с пола, чтобы он оказался в ее надежных объятиях.

– Жив, но я думаю, у него сломана рука.

Ребенок лежал на коленях у матери. Одна его рука безжизненно повисла.

Фелипе подошел к жене и положил ладони ей на плечи.

– Я побегу за доктором, – сказал он, стараясь скрыть дрожь в голосе, – а вы пока его согрейте.

Габриэла скинула с плеч шаль и протянула ее Мариссе:

– Вот, укутайте его скорее.

Мать отерла слезы тыльной стороной ладони. Голос ее казался сдержанным, но старший сын без труда различил в нем

затаенный гнев.

– Иди и разыщи эту проклятую лошадь, Лео. Ты обязан его найти. А когда найдешь, возьмешь пистолет отца и выстрелишь ей вот сюда, – она указала на центр своего лба. – Слышишь меня? Это чудовище никогда не вернется в наш двор.

– Мне очень жаль, мам.

Парень поднялся на ноги, все еще ощущая в спине боль от недавнего падения, протиснулся в дверной проем мимо Габриэлы и отправился на теплую кухню, где на столе все еще лежали остатки их недавнего ужина. Там он схватил бутылку кальвадоса и сделал большой глоток. От жгучего привкуса на глазах выступили слезы. Лео открыл крышку деревянного бюро, извлек из-под груды старых квитанций крошечный медный ключик и положил на свою ладонь. Несмотря на скромные размеры, ключ казался неподъемным в его руке, будто в нем сосредоточилась вся тяжесть того, что предстояло сделать его обладателю. Он поднялся в спальню родителей и достал из-под массивной чугунной кровати запертый сундук розового дерева, в котором отец хранил оружие.

Лео бродил по окрестностям уже много часов. На востоке небо уже стало розоветь. Его разношенные кожаные сапоги, которые всегда идеально садились по ноге, начали натирать пальцы. С каждым мучительным шагом игнорировать этот факт становилось все сложнее. Остановившись у ручья, парень бросил сумку на траву и погрузил ступни в ледяную во-

ду, которая принесла временное облегчение. В его вещах нашелся кусок хлеба, но, оказалось, он уже зачерствел. Твердокаменная краюха полетела в реку на корм рыбам.

Ни единого признака присутствия Дьябло. После того как ночью он вырвался в сад и перепрыгнул через ограду, следы жеребца затерялись среди множества подобных. Конь мог понестись куда угодно, но Лео надеялся, что тот не менял направления. Освободившись от своих кандалов, он скакал быстро и легко перемахивал любые препятствия, что встречались на пути. Знал бы, что придется столько топтать, Лео поехал бы на лошади. С другой стороны, эта прогулка была необходима для того, чтобы проветрить голову и понять, как быть дальше. Когда навалилась усталость, он прилег на траву, положил сумку под голову и неохотно закрыл глаза, решив позволить себе немного отдохнуть, и через пять минут продолжить поиски.

Лео очнулся через час. Вокруг царила тишина, даже воздух был неподвижен. Ни птичьих криков, ни шелеста травы, ни монотонного жужжания тракторов. Его разбудил не звук, а теплое прикосновение солнечных лучей к лицу. Приподнявшись на локтях, он взглянул в темное небо с тяжелыми грозовыми облаками, и вдруг услышал это. Тихое сопение. Совсем рядом. И ощутил теплое дыхание. Чистопородный черный жеребец стоял всего в шаге от хозяина, наклонив морду к самой земле.

– Дьябло! – воскликнул Лео, стряхнув с себя оцепенение,

вскочил и поморщился, когда ощутил босыми ногами острые остатки стеблей. – Привет, мальчик. Где же ты был?

Не сводя глаз с лошади, он извлек из сумки уздечку и поводья и, вытянув вперед одну руку, стал медленно приближаться, готовый к тому, что в любую секунду беглец может броситься на него. Дьябло поднял голову и, тряхнув гривой, замер. Затаив дыхание, хозяин осторожно прикоснулся к его морде и позволил понюхать ладонь. Другой рукой он осторожно почесал у коня за ухом. Шерсть у него там была мягкой, словно у щенка. Не переставая ласково и успокоительно бормотать, Лео накинул уздечку, приладил повод, и только тут позволил себе нормально дышать.

– Хороший мальчик.

Хозяин потянул за веревку, и Дьябло с покрытыми грязью боками и пеной у рта покорно последовал за ним к ближайшему дереву, где был привязан двойным узлом.

Парень отступил назад и долго смотрел на жеребца. Тот остался без подковы на одном из передних копыт. Рана снова кровоточила. Но могло быть и хуже.

– Пить хочешь, мальчик? – Лео открыл свою флягу и, наливая воду струйкой в ладонь, позволил коню сделать пару глотков. – Ох, Дьябло, что же ты натворил?

Он вспомнил своего маленького брата, лежащего в соломе среди навоза и огрызков яблок. Вспомнил сломанную дверь конюшни и как вставший на дыбы черный жеребец сбил его с ног. Но лучше всего он вспомнил дикий крик матери, испу-

гавшейся, что жизнь может покинуть ее сына. Лео вытер руки о джинсы и отступил на пару шагов, не спуская с жеребца глаз, но, когда его рука сомкнулась на холодном твердом металле, он не выдержал и отвел взгляд. Закрыв глаза, парень вытащил из сумки пистолет. Много раз он видел, как это делал его отец. Вряд ли от этого зрелища возможно было получить удовольствие, но, когда животное наконец спокойно лежало, расслабив мускулы и прикрыв глаза, освободившись от боли, которая в последние недели делала ее жизнь невыносимой, приходило ощущение легкости и покоя. Да, вместе с сильнейшей грустью. Но без всяких сожалений. Всем лошадям семьи Перес жилось легко, но, что еще важнее, их всегда ожидала легкая смерть.

Дьябло стоял неподвижно, только мышцы на его боку подрагивали, отгоняя назойливых насекомых. Лео заткнул пистолет за пояс и снял рубашку. Погладил коня по шее. Его спокойный тон противоречил внутреннему смятению.

– Прости, мальчик. Надеюсь, в следующей жизни тебе повезет больше. Ты не злой, просто тебе все время попадались недобрые люди. Скоро все закончится. Тебе не придется больше испытывать боль и унижения, когда твои ноги связывают. Ты будешь свободно летать, Дьябло. Станешь той великолепной лошадью, которой должен был стать.

Лео обвязал своей рубашкой морду животного, ведь он не мог допустить, чтобы Дьябло видел то, что он собирался сделать. Парень вытащил оружие из-за пояса и сделал пару ша-

гов назад и прикрыл ладонью один глаз. Смерть будет мгновенной. Ноги жеребца подогнутся, и он рухнет на землю. Жеребец все еще стоял неподвижно, словно пытался облегчить своему хозяину его отвратительную задачу. Рука болела, бицепс дрожал, ладони взмокли. Лео закрыл глаза и слегка нажал на курок, ровно до того момента, когда почувствовал сопротивление. Почувствовал отдачу, когда пуля со свистом вылетела из ствола. В небо. Куда стрелок и направил пистолет. Он не мог этого сделать. Просто был не способен. Даже если бы от этого зависела его собственная жизнь, не отнял бы жизнь у невинной лошади, не сделавшей ничего дурного. Парень бросил пистолет и сорвал рубашку с морды Дьябло, который так и не издал ни звука, даже услышав выстрел.

– Мальчик, ты когда-нибудь сможешь простить меня? Мой разум помутился. Я думал только о Матео, но я знаю, что сам он не хотел бы этого.

Лео отвязал повод и подвел лошадь к ручью. Пока он натягивал рубашку и прятал в сумку оружие, Дьябло жадно пил. Когда он поднял голову, с морды капала вода.

– Пойдем, – позвал его хозяин. – Пора домой.

Когда Лео и Дьябло въехали во двор, было уже далеко за полдень. Несколько часов парень шел, преодолевая боль в растертых в кровь ногах, но все же сдался и осторожно забрался на спину черному жеребцу. Тот вскинул голову и заплясал на месте, но под умелым руководством вскоре вполне

освоился в новой роли. Они словно достигли взаимопонимания, и конь безропотно вез домой человека, который сохранил ему жизнь.

Оставив лошадь в ближайшем к дому загоне, парень поспешил на кухню. Всюду было тихо. Огонь едва тлел.

– Эй? Есть кто-нибудь дома?

Не в силах выкинуть из головы образ маленького брата, безжизненно лежащего на пропитанной мочой соломе, он с замиранием сердца поднялся наверх и открыл дверь в комнату Матео. Тот сидел в кровати, пристроив на коленях книгу о лошадях.

– Малыш, – Лео бросился к брату, – как ты?

От ребенка пахло сном и антисептиками. Насупившись, он почесал бинт на голове.

– Доктор сказал, что мне нужно оставаться в постели и отдыхать, но я в порядке. Так что, думаю, ничего он не понимает. Ты нашел Дьябло?

– Да. Он ускакал далеко, но с ним все хорошо.

– Он ни в чем не виноват, – заявил Матео. – Я пришел к нему в стойло, чтобы угостить яблоками, но уронил их и испугал его. Он стал брыкаться и встал на дыбы, но это только от страха. Он боялся, что попал в ловушку.

Лео кивнул на перевязанную руку мальчика.

– А с ней что? И как твой нос?

Ссадина на лице уже затянулась корочкой.

– Вых... Выпх... Вывихнута. Было немного больно, но

мне дали таблетки, и врач в больнице поставил ее на место. С носом все прекрасно. Болит, только если вот так делать, — он наморщился, чтобы продемонстрировать старшему брату нужное движение.

Лео поморщился.

— Какой же ты храбрый, малыш.

Матео нахмурился.

— Но я же говорил тебе, я не...

— Да-да, прости. Конечно. Думаю, теперь ты совсем большой. Большой и храбрый. А где мама? — спросил он, понизив голос.

— Я здесь, — отозвалась Марисса, которая стояла в дверях.

Она кивком велела старшему сыну следовать за ней.

— Я скоро вернусь, Матео.

Они вышли в коридор, и мать тут же затолкала его в соседнюю спальню.

— Ты взял пистолет отца?

— Да, мам, взял. Но...

— Ты нашел лошадь?

Лео кивнул.

— И пристрелил, как я тебе приказала?

Он взял мать за руки и стиснул их, надеясь, что она поймет.

— Прости, мама. Я не смог.

Услышав это, она выдохнула весь воздух, что был в легких. Ее плечи ссутулились, а голова упала на грудь. Когда

она подняла на сына глаза, в них стояли слезы.

– Спасибо, родной.

– Но ты же сказала...

Она прижала палец к его губам.

– Я знаю, что я сказала, но я была не в себе. Волновалась за Матео. Я боялась, он умрет, понимаешь? Боялась навсегда потерять нашего малыша.

Лео крепко обнял мать.

– Это была случайность, мам, и мне очень жаль, правда.

– Как и мне, – ответила она, шмыгая носом. – Я так испугалась, когда увидела, что ты взял пистолет. Я не должна была тебя просить о таком. Матео никогда не простил бы меня, – она взяла лицо сына в ладони. – Где он сейчас?

– Дьябло? Я оставил его в загоне.

Марисса кивнула.

– Отведи меня к нему, ладно?

– Уверена?

– Да.

Он взял Мариссу за руку и провел к нужному загону. Облака немного рассеялись, и под лучами солнца шкура Дьябло сияла глянцем. Лео щелкнул языком. Уши жеребца дрогнули, но он продолжил щипать коротенькую траву, не поднимая головы.

– Иди сюда, мальчик.

– Почему он не идет?

– Он придет, мам. Придет. Дьябло, мальчик, сюда.

В этот раз конь поднял голову и посмотрел в их сторону. Мать перекрестилась.

– Он не бросится на нас?

– Нет, мам, он же не бык, – рассмеялся Лео.

Дьябло подошел к ограде загона и фыркнул. Марисса быстро отшагнула назад.

– Почему он так фыркает?

– Он так здоровается. Ну, правда, мам. Ты живешь среди лошадей с тех самых пор, как замуж вышла. Не знаю, чего ты так боишься.

Парень погладил лошадь по длинной морде, задержав руку на белоснежной звезде между глаз, том самом месте, куда предназначалась пуля. Лео тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Теперь он будет смотреть только вперед.

2018

Выйдя на улицу, я нащупала в сумке телефон и автоматически набрала рабочий номер Ральфа. Девушка из приемной ответила, что он снова работает из дома, и предложила переключить меня на его пожилую секретаршу, но я отказалась, потому что немного побаивалась этой дамы с голубыми волосами. На мобильном телефоне Ральфа сразу включилась голосовая почта, но подобрать слова, чтобы подвести итоги сегодняшней встречи, было очень непросто.

– Ммм... Ральф, кое-что... ладно... забудь.

Я позвонила ему домой и, само собой, трубку взяла Сюзи.

– Ральф дома?

Соблюдать нормы вежливости не было смысла, ведь мы обе прекрасно знали, что ненавидим друг друга.

– Он повез Лили и Жасмин на детскую аэробику.

Целый ворох мыслей вихрем пронесся в моей голове.

То есть он болтается по городу с близнецами среди рабочего дня? Почему же он никогда не находил время для Дилана, когда наш мальчик был в том же возрасте? И что еще за детская аэробика, мать ее? Я отключилась, не удосужившись попрощаться.

Я набрала Дилана, но у того тоже включилась голосовая почта. Ладно, не надо злиться, он ведь выключает теле-

фон во время лекций. Та же самая история повторилась и с бабушкой, что было ожидаемо, ведь ей требовалось очень много времени, чтобы найти нужную кнопку и принять звонок. Мимо, извергая клубы отвратительных выхлопов, проехал двухэтажный автобус. На остановке он высадил толпу усталых пассажиров. Да уж, разговаривать на улице совсем неудобно.

В ближайшем баре я заняла угловой столик, заказала бокал белого вина и набрала еще один номер. К счастью, Мойра ответила на первом же гудке.

– Мойра, слава богу, ты ответила!

– Тара, что случилось? – в ее голосе слышалась паника.

В голове у меня воцарилась странная пустота. Трудно было решить, с чего начать, и подобрать слова.

– Я в Лондоне.

– Знаю, ты мне говорила.

Конечно, она знает, я ведь все ей рассказываю.

– То письмо... Оказалось, кто-то оставил мне ключ от банковской ячейки.

– Что? Кто это мог быть?

– Пока не знаю. Все ответы в той самой ячейке.

– А может, только еще больше вопросов.

Вот за что я люблю Мойру. Она такая прагматичная и мудрая. Жаль, что ей приходилось зарабатывать на жизнь, посвящая время чужим неглаженным рубашкам и чистке туалетов. Я постучала локстонской визиткой по столу.

– У меня встреча с представителями банка сегодня в обед.

До обратного поезда времени было полно, но я-то надеялась провести день на Оксфорд-стрит.

– Хорошо, – отозвалась Мойра, позвякивая посудой на кухне. Эта женщина никогда не сидела без дела. – Позвони мне после. Я умираю от любопытства.

Я пообещала связаться с ней, как только смогу, и взглядом указала бармену на свой пустой стакан. Он понял мой жест и тут же поспешил его наполнить. Раскрыв небольшую карту подземки, врученную мне Джейми, я попыталась запомнить маршрут до Локстона. Принципиально не стану просить о помощи, чтобы меня не сочли за невежественную дикую северянку. Тем более, все не так плохо. Четыре остановки по линии Бекерлоо, все время на юг, так что без проблем. Я снова набрала Ральфа, но телефон все так же не отвечал. Аэробика ведь дело серьезное.

В метро было немногочленно, так что я легко нашла свободное место. Усталость и два бокала вина брали свое: веки налились тяжестью. Можно и закрыть глаза. Никакого риска проспать свою остановку, слишком сильно волнуюсь. Тридцать семь лет назад кто-то оставил для меня некую вещь в сейфовой ячейке. Несложно посчитать, в 1981-м мне было восемнадцать. К счастью, вино не повлияло на мои способности к ментальной арифметике. В тот год я жила у бабушки. Мы приехали в Лондон, чтобы посмотреть на свадьбу прин-

ца Чарльза и Леди Ди. Благодаря упорству и острым локтям моей бабули нам удалось занять наблюдательную позицию рядом с собором Святого Павла. Многочасовое ожидание скрашивали лишь яичные сэндвичи и мятное печенье. Стоило приоткрыть контейнер с задохнувшимися бутербродами, к неудовольствию соседей вокруг распространился характерный запах. Когда будущая принцесса выбралась из кареты, по толпе прокатился коллективный вздох, но голос бабушки перекрывал все остальные:

– Ой, она, кажется, забыла погладить свадебное платье.

Бедная Леди Ди. Мятое платье оказалось меньшей из ее печалей.

Локстон оказался простеньким на вид зданием без блестящей латунной таблички и вращающихся дверей, как у Ирвина Фортиса. Практично и без претензий на роскошь. Чтобы войти внутрь, требовалось соблюсти кое-какие формальности и снова извлечь на свет свой паспорт. Меня препроводили в комнату, где из мебели имелись только стол и стул. Не было даже окон. Через десять минут в дверь вошла молодая женщина в узкой юбке-карандаше и на умопомрачительных каблуках. Ее красная шелковая блузка облегла пышную грудь и демонстрировала сливочную кожу. На ее шее висела длинная серебряная цепочка, но кулон, если он имелся, утонул в изгибах ее пышных форм и был скрыт от глаз. Она положила на стол металлический ящик.

– Я оставляю вас с этим. Когда закончите, просто нажмите

на звонок, – сказала она, указывая на нужную кнопку.

Затем женщина вышла, щелкнув замком закрывшейся двери. Похоже, она меня заперла.

Я снова переключилась на ящичек. Не возьмусь называть точные размеры, но, скажем, он был намного меньше, чем стандартная обувная коробка. Неуклюжими пальцами я вставила ключ в замочную скважину и ожидала, что придется приложить усилие, чтобы открыть то, к чему не прикасались столько лет. Но ошиблась. Осталось только поднять крышку. Голос Мойры в моей голове велел собраться с силами и покончить с этим. Я узнала его сразу, как только увидела. Даже доставать не пришлось. Вскочив так резко, что стул с грохотом упал на пол, я зажала себе рот рукой, чтобы заглушить крик изумления. Положив руки на бедра, отвернулась от стола, огромными глотками вдыхая спертый воздух.

– Как такое возможно? – спросила я вслух, но ответить было некому.

1978

– Значит, сегодня великая ночь, так? – Альф потянулся к трубке, чтобы набить ее табаком.

Они только что управились с жареной картошкой и яйцами, собрав с тарелок последние крохи корочками хлеба. Теперь Тара силилась открыть заржавевшую банку с консервированными ананасами.

– Сколько ты хранишь эту банку, Альф? С первой мировой?

– Не переживай, моя хорошая, не отравлюсь. В этих банках продукты могут вечно храниться. Я говорю, твоя мама, должно быть, очень талантлива, если ее позвали выступать в «Аметист Лаундж».

– Так и есть, – просяла Тара. – Однажды она станет настоящей звездой. И тогда мы сможем позволить себе собственное жильё и попроситься со всем этим... этим... – девушка обвела рукой захламленную кухню, но не решилась закончить свою мысль, боясь ранить чувства Альфа.

Она передала ему банку и плюхнулась в кресло напротив, вытянув ноги, так что пальцы едва не касались решетки электрообогревателя.

– Все в порядке, малышка, – улынулся Альф. – Я знаю, что этот дом тебе не подходит. Ты заслуживаешь лучшего, но

мне все же приятно, что вы немного поживете здесь в ожидании лучших времен.

– Не пойми меня неправильно, Альф. Мы здесь счастливы. Я много лет не чувствовала себя в такой безопасности. Теперь мама может спокойно уходить на работу, оставляя меня с тобой.

Он протянул руку и похлопал ее по колену.

– Составляем друг другу компанию.

Вытащив из кармана носовой платок, старик протер им очки, а затем достал с каминной полки фотографию и передал ее Таре:

– Это наша Джудит.

На фото молодая женщина, облаченная в традиционную мантию и шапочку выпускника, сжимала в руках свернутый в рулон и перевязанный красной лентой лист бумаги. Вздернув подбородок, она смотрела прямо в камеру с легкой усмешкой на губах. Но она не принадлежала к тому типу людей, которые с первого взгляда вызывают симпатию.

– Должно быть, ты ей очень гордишься.

– Еще бы, милая. Очень. Она вкалывала, пожертвовала возможностью иметь семью. Все ради карьеры. Мы с Этель очень хотели внуков, но нельзя же быть такими эгоистичными, правда?

Тара утвердительно кивнула.

– Конечно, нельзя. Где она живет?

– В Лондоне. У нее прекрасная квартира с видом на Тем-

зу, которую она, впрочем, называет апартаментами или как-то так.

– Чем она занимается?

Альф выпрямил спину и слегка выпятил грудь:

– Она политический советник. Это очень серьезно. Работает на Тори¹³ и частенько встречается с миссис Тэтчер.

Альф поджал губы и вздрогнул.

– Ты не ее фанат, да?

– Неа, – он покачал головой. – Не может женщина руководить целой партией. Работать за кулисами, как наша Джудит, это пожалуйста, – он ударил кулаком по воздуху. – Но лидером должен быть мужчина.

– Только при маме так не говори, – предупредили Тара. – Она считает, что Мэгги должна быть следующим премьер-министром.

Альф загоготал так, что вставные зубы едва не выпали изо рта. Он привычным движением водворил их на место.

– Ууу, ну и фантазии, – хохотал он. – Слыхал я про такое. Этому никогда не бывать. Провалиться мне на месте, если я не прав.

– Часто видишь ее? Джудит, я имею в виду. Не миссис Т.

– Ну, она очень занята, – пожал плечами старик. – Старается выбираться ко мне, когда может. Иногда остается на пару дней, если время позволяет. Но мы довольно часто болтаем по телефону.

---

¹³ Тори – консервативная партия Великобритании.

– Понятно, значит, нечасто.

– Нууу, я стараюсь не доставлять ей лишних хлопот. Я отлично справляюсь со всем сам. К тому же я не один. Часто заходят покупатели. Некоторым старикам и поговорить-то не с кем, так что, считай, мне повезло, – его лицо просветлело. – А теперь у меня есть ты и твоя мама.

Словно по сигналу, кухонная дверь открылась, впуская Вайолет. Ее короткое красное платье искрилось блестками, а вишневые губы широко улыбались.

– Та-дам! – воскликнула она, подняв вверх руки и показывая бедрами.

– Вайолет Добс, ты просто услада для глаз, – заключил Альф, обернувшись в кресле.

– Скай, – поправила его женщина. – Вайолет Скай, с «й» на конце. Когда я одета в это, используй мое сценическое имя.

– Вайолет Скай, – медленно повторил старик. – Тебе идет.

– Ммм... я зовусь так с пяти лет. Когда участвовала в конкурсе талантов в Батлине, ведущий сказал, что такой милашке нельзя выходить на сцену под такой дурацкой фамилией. Нужно было придумать что-то очень быстро, стоя за кулисами. Скай – первое, что пришло мне в голову и понравилось. Я бы и имя сменила, но не разрешили, – объяснила она. – Тара, можешь мне вот тут ресницы подклеить? Все время отваливаются.

Вайолет села в кресло, которое освободила ее дочь, и при-

нялась нервно постукивать пальцами, пока нависшая на ней Тара прижимала отклеивающиеся ресницы к веку.

– Смотри, не размажь мне подводку.

– Так мне приклеивать или нет, мам?

– Прости, родная. Просто хочу, чтобы сегодня все было безупречно.

– Так и будет, – заверила ее дочь, выпрямившись.

– Ты очень красивая, – сказал Альф. – Напоминаешь мне молодую Вивьен Ли.

– В самом деле? Как же приятно это слышать, – ответила Вайолет, изо всех сил моргая, чтобы проверить, хорошо ли держатся ресницы. – Тара, подай мне, пожалуйста, пальто с вешалки.

– Поможешь мне встать? – попросил Альф, протягивая руку.

Девушка помогла ему подняться с места, и старик направился к угловому шкафу.

– Ты не можешь пойти туда в этом старье, Вайолет, – заявил он. – Это «Аметист Лаундж», а не какая-нибудь пивнушка для забулдыг.

Он извлек из гардероба длинную шубу из искрящегося меха в оттенках бежевого и орехового.

– Примерь-ка вот это.

Женщина сделала шаг вперед и погладила ворс.

– Настоящий? – изумленно спросила она.

– А как же. Норка. Ее носила моя Этель, а до нее ее мать.

– Альф, я не могу это надеть, но спасибо за предложение.

– Возьми, – настаивал старик. – Что толку вещи без дела висеть в шкафу. Такую шубу нужно носить.

– Надень это, мам, – уговаривала Тара.

– Ну, не знаю, – отозвалась Вайолет. – Я всегда осуждала тех, кто носит натуральный мех. Это ведь жестоко, разве не так?

– Мелкие злобные твари, – заявил Альф.

– Те, кто носят мех? – в недоумении переспросила женщина.

– Нет же. Эти самые норки. Злобные мелкие твари. Не успеешь оглянуться, как откусят палец.

– Разве это означает, что можно сдирать с них шкуру?

Тара коснулась меха щекой.

– Она такая мягкая, мам. И такая элегантная. В любом случае, эту норку давным-давно убили. Почему бы тебе не надеть эту шубу?

Вайолет переводила взгляд с Альфа на дочь и обратно. На их лицах замерло ожидание.

– Ладно, Альф, раз ты так уверен. Обещаю за ней присматривать, – она поцеловала старика в щеку. – Пожелайте мне удачи.

Вайолет рассматривала свое отражение в зеркале гримерки. Яркий свет был беспощаден к любым недостаткам. Она достала пудру и нанесла немного на нос и лоб. Раздался

громкий стук в дверь.

– Кто там?

Мужчина просунул голову в приоткрытую дверь.

– Йен Черри, «Вечерние новости».

– Вечерние новости? Мне некогда читать газету, я тороплюсь на сцену.

Он рассмеялся и шагнул ближе.

– Я не продаю газеты, глупая. Я хочу интервью. Видела мою колонку в газете? «Йен Черри о событиях в городе».

– Вы хотите взять у меня интервью? – переспросила Вайолет.

Журналист огляделся по сторонам.

– Здесь вроде больше никого нет.

Он пододвинул к себе стул и достал блокнот с карандашом.

– Не стоит переживать. Я пишу про лучших из лучших. Втиснем и про тебя пару слов куда-нибудь.

Бархатный занавес опустился, обозначая конец первой части. Значит, Вайолет была следующей. В небольшую щелку между полотнами она смотрела на зрителей, примостившихся за маленькими столиками. Официанты и официантки сновали вокруг с подносами, искусно лавируя, чтобы не разлить ни капли алкоголя. Зал переполняло веселье. Разношерстная публика явно настроилась получить от этого вечера максимум удовольствия. Она сделала глубокий вдох. В горле пересохло так, что она не могла говорить, не то что

петь. К счастью, ее блестящее сценическое платье имело высокий ворот, иначе все вокруг смогли бы увидеть, как покраснела от волнения ее грудь. Микрофон скользил в мокрых ладонях, и женщина обернулась, надеясь их обо что-нибудь вытереть.

– Две минуты до выхода, мисс Скай, – сказал администратор, заглянув в программу. – Вы готовы?

– Думаю, да, – кивнула Вайолет. – У вас есть полотенце или что-то подобное? У меня руки, кажется, немного... ну, знаете...

Он вытащил из кармана платок.

– Вот, возьмите.

На секунду он сжал ее предплечье и подмигнул.

– Ни пуха, ни пера!

Она слышала, как по ту сторону кулис конферансье рассказывает о какой-то молодой талантливой певице, чей безупречный голос одновременно волнует и завораживает. Никогда прежде «Аметист Лаундж» не слышал таких чистых нот. И пока он не попросил публику любить и жаловать мисс Вайолет Скай, ей и в голову не приходило, что речь идет о ней. Занавес поднимался мучительно медленно, но вот она уже застыла в свете софитов с прижатым к груди микрофоном. Публика вежливо хлопала, выжидательно глядя на артистку. Сейчас, более чем когда-либо в ее жизни, Вайолет должна была показать себя во всем блеске. Двадцать минут пролетели, как один миг, и, когда она поклонилась в послед-

ний раз, зрители аплодировали стоя и требовали ее на бис.

– Спасибо, вы все так добры ко мне, – сказала она, обращаясь к публике. Всего в паре метров от ее ног располагались первые ряды. – Спасибо.

Но крики «еще» и «на бис» не замолкали, так что у певицы даже голова закружилась от радости. Она сфокусировала взгляд на огромном блестящем шаре в центре зала, чтобы удержать равновесие. К счастью, на ее плечо легла твердая рука конферансье, который помог ей вернуться за кулисы. Позже, сидя на барном стуле в глубине театра и потягивая свой напиток, она вызывала в памяти эти чудесные двадцать минут славы. Никогда прежде ее не принимали так тепло. Вайолет не терпелось рассказать об этом дочери.

– Здесь занято?

Она подняла глаза и увидела перед собой мужчину с пышными бакенбардами и золотым зубом.

– Ммм... Нет. Садитесь, – ответила она, указывая на соседний стул.

– Могу я угостить вас выпивкой? – предложил мужчина.

Она бросила взгляд на свой пустой бокал и, чтобы не показаться грубой, неохотно согласилась.

– Спасибо. Мне «снежок», пожалуйста.

Незнакомец щелкнул пальцами, привлекая внимание бармена.

– «Снежок» для дамы и «кузнечик» для меня, дружище.

Он достал пачку сигарет и предложил Вайолет.

– Я не курю, спасибо, – отказалась она.

– Ясно, вредно для голоса. – Он раскурил сигарету и выпустил безупречное колечко дыма. – Кстати, вы были просто великолепны.

Веки мужчины набухли, а по лицу блуждала ухмылка.

– Вы правда так думаете?

Он наклонился к ней и прошептал:

– Самая пленительная женщина.

Вайолет вздрогнула, когда его горячее дыхание обожгло ее ухо.

– Я... ммм... – Она не знала, что ответить.

Бармен подал напитки.

– Записать на твой счет, Стю?

Мужчина кивнул и поднял свой бокал.

– За вас, – провозгласил он. В дыхании незнакомца запах мятного ликера смешивался с ароматом его лосьона после бритья.

– За вас, – эхом отозвалась Вайолет. – И спасибо... ммм... Стю.

Они чокнулись бокалами и отпили по глотку. Стю соскользнул со своего стула и передвинул его вплотную к певице. Их колени соприкоснулись. Вайолет посмотрела на его грязные волосы и завитые усы, едва не достающие до воротника рубашки. Золотой зуб поблескивал на свету. Ему бы еще повязку на глаз. Вышел бы настоящий пират.

– Ты первый раз здесь выступала? – спросил он, раскачиваясь на стуле. Женщина едва сдерживалась, чтобы не протянуть руки и подстраховать его, если будет падать.

Она кивнула.

– Первый, но до этого я много лет выступала в одном клубе, захудалом, конечно. Не то что этот.

Вайолет выудила вишенку из коктейля и отправила себе в рот. Стю опрокинул в глотку содержимое своего стакана и вытер рот рукой.

– Еще? – Не дожидаясь ответа, он подал знак бармену. – Повтори.

– О, я думаю, мне хватит, – запротестовала женщина. – Мне пора возвращаться к дочери.

– У тебя есть малышка?

– Ну, не то чтобы малышка. Ей четырнадцать.

– Да ладно! В жизни не поверю, что у тебя четырнадцатилетняя дочь. Хочу сказать, тебе самой-то ненамного больше.

Она рассмеялась.

– Вы просто невнимательно смотрите. Мне почти тридцать.

Он наклонился, разглядывая ее лицо. Вайолет пришлось отвернуться и взять свой бокал, чтобы не дышать исходящим от него запахом табака. Стю ткнул пальцем ей в грудь:

– Ты векил... велкип... – Язык у него заплетался. – Ты отлично выглядишь.

Он положил свои ладони ей на бедра и начал двигать их

вверх.

– Немедленно уберите руки. Мужчина выглядел крайне озадаченным.

– С чего вдруг? Ты же явно этого хочешь. Позволила выпивку тебе купить, кокетничала со мной.

Не убирая рук, он потянулся к ее лицу, приоткрыв рот. Его влажные губы напоминали толстых слизней. Прежде чем Вайолет успела опомниться, кто-то схватил Стю за шиворот и дернул назад.

– По-моему, тебе пора, дружок.

Мужчина стряхнул Стю со стула и, бросив на пол, поставил ногу ему на грудь.

– Думаю, тебе стоит извиниться перед этой прекрасной леди, прежде чем исчезнуть отсюда. И не советую испытывать мое терпение.

Стю вскочил на ноги, отряхнулся и, бросив полный ненависти взгляд на своего обидчика, язвительно прошипел в сторону певицы:

– Динамо.

Весь эпизод занял не более минуты, но, когда Вайолет вновь подняла свой бокал, ее рука дрожала.

– Боже, я думала, это приличное место.

– Вы в порядке? Давайте куплю вам выпить, – мужчина подозвал официанта. – Два бренди, дружище.

– Я в полном порядке. Благодаря вам. Ну и придурок этот Стю.

Спаситель протянул ей руку:

– Ларри Валентайн. Рад знакомству.

Пожимая ему руку, она заметила аккуратно подстриженные ногти и кольцо с бриллиантом на мизинце.

– Вайолет Добс.

– Можно? – спросил он, указывая на соседний стул. – Обещаю к вам не приставать.

– Да, конечно, садитесь, – рассмеялась она.

Мужчина сбросил свое бежевое пальто и повесил на спинку стула.

– Я уже собирался домой, но тут заметил, что вы оказались в затруднительном положении.

– Если бы вы не вмешались, я бы разобралась с ним по-своему. Стю уже вытирал бы с лица остатки моего коктейля.

– Тогда хорошо, что я вмешался. Зачем тратить впустую прекрасный напиток? – Мужчина отпил из своего бокала. – Кстати, вы были просто блистательны сегодня. Давно здесь не выступали такие талантливые певицы.

– Вы так добры ко мне.

– Это правда. Я всегда говорю только то, что действительно думаю.

Вайолет тайком бросила взгляд на часы. Ей вдруг захотелось, чтобы этот вечер не заканчивался. Но Тара наверняка уже заждалась. Ларри заметил ее взгляд.

– Вы куда-то торопитесь?

– Если честно, да. Мне нужно возвращаться домой, к до-

чери. Она теперь умирает от любопытства и ждет, что я расскажу ей, как прошел вечер. Так что мне нельзя пропускать последний автобус.

– Автобус? Только не говорите мне, что ехали на нем в этом костюме.

Она взглянула на свое сверкающее платье.

– У меня еще шуба сверху была.

Ларри потер подбородок. Его взгляд остановился на Вайолет, глаза сузились.

– Знаете, что? Посидим еще немного, и я отвезу вас домой. Что скажете?

– Вообще-то не хотелось бы создавать вам столько проблем.

– Я думаю, на сегодня наши проблемы закончились, – ответил он и, подмигнув ей, поднял бокал.

Стоянка была плохо освещена, и Вайолет пришлось осторожно прокладывать себе путь среди ям и выбоин на асфальте. В какой-то момент она споткнулась о камень и растянулась бы на земле, если бы не Ларри, который ловко подхватил певицу под локоть, чтобы не дать упасть.

– Вы сегодня мой рыцарь в сияющих доспехах, – сказала Вайолет, внутренне содрогнувшись от этого клише, ведь сама она в этот момент слишком напоминала типичную благородную даму в беде.

– Какой красивый мех, – отозвался ее спутник, пробежав-

шпиль пальцами по рукаву. – Он настоящий?

– Да, но она не моя. Я одолжила ее у... ммм... у друга.

– Должно быть, это очень близкий друг, – присвистнул мужчина.

Он остановился рядом со спортивным автомобилем перламутрово-синего цвета и вставил ключ в замок. Вайолет разглядывала длинный гладкий капот, тонированные стекла и хромированный руль.

– Как он хорош, – вздохнула она.

– Она, – поправил Ларри. – Она очень хороша.

Женщина едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

И почему мужчины вечно носятся со своими машинами, как с живыми, еще и имена им присваивают. Он открыл пассажирскую дверь, и Вайолет проскользнула внутрь со всей грацией, на которую была способна. Низкие кресла были обтянуты красной кожей, которая обожгла холодом ее голые ноги. Ларри обогнул капот и устроился на водительском сиденье рядом с ней.

– Куда едем?

Она представила себе их берлогу. Кричащие обои, зеленая краска, местами облупившаяся, так что из-под нее выступает прошлое покрытие идиотского розового цвета. К тому же по пятницам Альф стирал в кухонной раковине свое белье и развешивал его над обогревателем. Вайолет просила купить стиральную машину, но хозяин и слышать об этом не хотел. Этель никогда не пользовалась всеми этими новомод-

ными штучками, и он обойдется без них. Не приглашать же Ларри в этот кошмар.

– Просто подкиньте меня до конца Стокпорт Роуд.

– Уверены? – водитель покосился на нее. – Мне не нравится мысль о том, что дама будет одна бродить в темноте.

– Все будет в порядке, – Вайолет махнула рукой, – не беспокойтесь. Я могу о себе позаботиться. К тому же Тара наверняка еще не спит. А мне не хотелось бы отвечать на миллион вопросов о вас среди ночи.

– Мне эта идея не нравится, но если вы настаиваете...

Дальше они ехали в тишине. Удивительно, с какой чувственной нежностью он прикасался к рулю, словно тот представлял собой нечто драгоценное. Она рассматривала его профиль. Густые русые волосы обрамляли лицо, словно шлем. Он напоминал ей Стива Маккуина¹⁴. Те же голубые глаза и легкое беспокойство на лице. На запястье мужчины красовался «Ролекс», правда, Вайолет понятия не имела, настоящий он или из тех, что продают на рынке. Хотя вряд ли водитель «Ягуара» станет носить подделку. На второй руке поблескивал широкий золотой браслет из той же серии, что цепочка на шее. Вообще-то ей не очень нравились украшения на мужчинах, но Ларри почему-то все это очень шло. Он нажал на тормоз, и автомобиль плавно остановился.

---

¹⁴ Стив Маккуин – знаменитый американский автои мотогогонщик, а также прославленный киноактер, пик карьеры которого пришелся на 70-е и 80-е годы XX столетия.

– Надеюсь, вам недалеко идти.

– Моя... квартира... вон там, – кивнула она и потянулась к ручке двери, но мужчина уже выскочил на улицу и обогнул капот, чтобы помочь ей выйти.

– Спасибо, – поблагодарила она, выбираясь из машины.

Ларри взял ее руку и поднес к губам.

– Я хотел бы увидеть вас снова.

Она постаралась скрыть свой восторг и ответить ему прохладным тоном:

– Мне нужно свериться со своим расписанием.

Он улыбнулся, не выпуская ее руки.

– Ужин, завтра вечером. Я заеду в семь.

Он сказал это с утвердительной интонацией. То есть вовсе не спрашивал, а просто сообщал ей о своем решении. Как самонадеянно рассчитывать, что ради него она бросит все дела.

– Чудесно, увидимся, – ответила она раньше, чем успела подумать.

– Я буду ждать на этом же месте, – он указал на тротуар.

Прежде, чем подняться по крутой деревянной лестнице, Вайолет сняла каблуки. Одному богу известно, как Альф на ней умудряется не сломать себе шею. Держась за перила, она ступала осторожно, пропуская ступеньки, которые скрипели особенно громко и противно. Пробравшись в свою комнату, тихо прошептала:

– Тара, ты уже спишь?

– Сплю, – раздался тихий ответ.

Вайолет тихонько забралась в кровать и обняла дочь.

– Прости, что вернулась так поздно, – попросила она, поглаживая Тару по затылку. Мысли все время возвращались к Ларри. Никогда прежде такие мужчины не обращали на нее внимания. А если и обращали, то просто хотели развлечься, не больше, как тот кретин из бара. Но Ларри был совсем другим. Вежливым, обходительным, интересным. К тому же, судя по всему, в деньгах он не нуждался.

– Теперь у нас все будет отлично, детка, – прошептала она и поцеловала дочь в щеку.

2018

Я вернулась около десяти, но, к счастью, в холле горел свет, и шторы в гостиной были раздвинуты. Слава богу, у меня есть Мойра, которая обо всем заботится. Я не позвонила ей, как обещала, потому что мне требовалось время, чтобы все обдумать. К счастью, она решила меня дождаться.

– Я дома, – провозгласила я, открывая дверь.

В камине потрескивали дрова. Дубовый паркет был отполирован до первозданного блеска. На столе в гостиной стоял кувшин с фрезиями. Мойра была много больше, чем домработницей. Едва мне стало немного легче, как я открыла дверь в кухню, и мои плечи тут же ссутулились, а настроение заметно ухудшилось.

– Ральф! Какого черта ты тут делаешь?

Он встал, протягивая руки, чтобы поприветствовать меня. Я прошла мимо, игнорируя раскрытые объятия.

– Ты оставила мне сообщение, к тому же Сюзи сказала, что ты звонила. Я понял, что речь идет о чем-то важном, – усмехнулся он.

Хотя я, как ни пыталась, не нашла в его словах ничего забавного. В воздухе пахло его бальзамом после бритья. Прежде он был так привычен, что я его не замечала. Великолепная смесь сандала и гвоздики вернула меня на мгновение

в счастливые времена, с головой накрыв неожиданной печалью.

– О, Ральфи. Ну, зачем же ты все разрушил?

Ральфи. Я не называла его так с того дня, как он ушел из дома. Казалось, он на секунду опешил. Ответа так и не последовало. Впрочем, я его и не ждала.

– Я дала тебе ключ только на самый крайний случай, – напомнила я, швырнув сумку на столешницу.

– Я решил, что момент настал, – ответил муж, подкладывая в огонь очередное полено.

– Тогда чувствуй себя как дома, Ральф, – саркастически заметила я.

В ответ он спокойно предложил пропустить по стаканчику перед сном. Я покорно кивнула. Похоже, у меня не было выбора. Ральф отправился в кабинет за стаканами и бутылкой «Джек Дэниэлс». Хотя на дворе стояла середина зимы, он был одет в бежевые брюки и белую рубашку. Серо-голубой кашемировый свитер был небрежно наброшен на плечи. С него еще не сошел канарский загар. Темные волосы на висках начали седеть, но это только добавляло ему привлекательности. Я вспомнила, в каком виде провела этот день, и провела пальцами по растрепанным волосам, пытаясь придать им хоть какую-то форму.

– Кстати, ты так и не сказала, зачем звонила?

По правде говоря, мне не хотелось ничего рассказывать. К нему это не имеет отношения. Наверняка Ральф начнет диктовать мне, что делать. Жаль, что я вообще втянула его во

все это, но не так-то просто избавиться от старых привычек.

– Уже не важно, – отозвалась я, устроившись в кресле у камина и отхлебывая приличную порцию из своего стакана. – Почему бы тебе не рассказать, зачем ты на самом деле пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.